

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	1
ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВИТВЕР	4
ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА	4
НАЧАЛО ПУТИ	4
ПОД “ЗНАКОМ БАРАНСКОГО“	13
ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЖИЗНИ	23
КАФЕДРА, РАБОТА, ЛЮДИ	39
ПРЕОДОЛЕНИЕ	56
ШКОЛА ВИТВЕРА	72

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иван Александрович Витвер (1891—1966) — выдающийся российский географ. Вместе и в содружестве с Н.Н. Баранским он был основоположником экономической географии как современной науки в нашей стране, основателем научной школы социально-экономической и политической географии зарубежных стран. Оба этих ученых сыграли исключительно важную роль в консолидации комплекса географических наук и создании географического факультета в Московском государственном университете. В этом году, когда исполняется 60 лет географическому факультету, Витверовская кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, при одобрении и помощи деканата факультета, решила подготовить и выпустить в свет предлагаемый вниманию читателя том избранных произведений И.А. Витвера.

Но это не просто дань памяти крупного ученого и прекрасного человека. Для этой книги отобраны работы, которые не пали жертвой смены конъюнктур, которые представляют собою важное, ценное и незаменимое звено нашей науки и ее истории. Подобно тому, как современный русский язык не может обойтись без Даля, а история нашей страны — без Карамзина и Ключевского, отечественная социально-экономическая география зарубежных стран без Витвера лишилась бы своего фундамента, логики открытия многих основополагающих закономерностей, она была бы обречена буквально “открывать Америку” заново. Вклад Витвера в науку, созданная им школа сохраняет и даже

приумножает свое значение. На него ссылаются, с ним сверяют свои труды современные специалисты, преподаватели продолжают и развивают созданные им университетские курсы, студенты и теперь используют его работы, учебные пособия. Для лучших студентов кафедры учреждены Витверовские стипендии.

Однако надо признать, что труды Витвера стали у нас библиографической редкостью. Они ходят по рукам в ксерокопиях, отрывками. Думается, что это издание быстро найдет своих читателей.

Географическое творчество И.А. Витвера развивалось в основном в двух направлениях. Началось все со страноведения: статьи по ряду стран для БЭС, а затем два вдохновенных тома по экономической географии Южной Америки и Карибских стран. (В скобках нельзя не отметить, что этот двухтомник и сейчас представляет большой историко-географический интерес, и когда-нибудь, когда российская наука станет жить лучше, наши латиноамериканисты, вспоминая о своих истоках, непременно переиздадут его.) И в дальнейшем, как только позволяло время, И.А. отдавал его углубленному изучению стран. Так появились монографии по Германии, Великобритании, Франции. Но, начиная с 1934 г., делом всей дальнейшей жизни И.А. стала работа над учебником по экономической географии зарубежных стран для средней школы, порученная ему специальным постановлением тогдашнего руководства страны. Витвер отнесся к этому поручению — отдать свои силы и способности обучению и воспитанию вступающих в жизнь новых поколений — крайне ответственно и очень добросовестно. В результате — 16 изданий учебника за 20 лет общим тиражом 13 миллионов экземпляров, переводы на 29 языков мира и народов СССР. И в каждом новом издании — отражение динамики мира и географических знаний, огромный скрупулезный труд. Имя Витвера стало широко известно миру. В 1950 г. за 11-е издание учебник — Впервые среди всех учебников в СССР — был удостоен Государственной премии (такую же премию получил тогда еще один учебник — Н.Н. Баранского по экономгеографии СССР).

Конечно, ограниченный размер однотомника не позволяет сколько-нибудь широко представить и педагогическое и страноведческое творчество И.А. Витвера. Но публикуемые работы достаточно представительно и разносторонне отражают не только его тематику, но и, что самое главное, методологию, цели, принципы научных педагогических исканий автора.

Несомненно, главной работой среди избранных является "Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира", публикуемое лишь с

небольшими сокращениями. Идея этой книги возникла из одноименной вводной главы учебника, чтобы стать в дальнейшем одним из лучших классических витверовских университетских курсов. Этот курс, доведенный до нашего времени, читается и сегодня, а “Введение“ включено в список обязательной литературы для студентов. Но эту глубокую историческую работу о складывании и развитии мира людей на нашей планете с большим интересом будет читать и перечитывать любой культурный человек.

Работы других разделов Книги сгруппированы по тематическому принципу и с учетом их хронологии. Из страноведческих работ представлены, как правило, небольшие завершенные “портреты”, получившие в свое время высокую оценку. В них обращает на себя внимание не яркость и броскость красок, а четкость и выпуклость рисунка, раскрытие характера, размышление над происхождением наиболее важных черт и особенностей. В творческой жизни И.А. особое место занимала Латинская Америка, открывшая ему путь ко всему миру. В одной из своих методологических статей он пишет: “Для подтверждения своих положений автор охотнее всего берет примеры из экономики латиноамериканских стран”. В “Избранных произведениях” публикуется сделанная самим автором учебная “выжимка” из двухтомника, вышедшая в свет в 1934 г. под редакцией Н.Н. Баранского. В этом разделе нельзя также не обратить внимание на одно из самых любимых детищ И.А. — статью “Париж”, которой восхищались французские географы.

И.А. Витвер внес немалый вклад в разработку теоретических проблем социально-экономической географии зарубежных стран и особенно большой и важный — в решение проблем ее преподавания. В разделе методологии и методики читатель найдет ряд материалов, сохранивших и до наших дней убедительную силу и большое значение. Всякий, кто занимается или просто интересуется проблемами типологии стран мира, с большой пользой для себя прочтет статью “о показателях для экономико-географической характеристики капиталистических стран”. Очень важны и для современных преподавателей и для учащихся разработанные И.А. Витвером методические основы его учебника, которые читатель найдет в трех публикациях этого раздела.

Витверовская широта и глубина знаний, его поражавшая всех эрудиция были основаны на настойчивом поиске, изучении и сопоставлении профессиональной литературы как отечественных, так и прежде всего зарубежных коллег. На базе таких сопоставлений складывалось собственное кредо, которое тут же излагалось. И.А. Витвер был блестящим рецензентом. В разделе “Персоналии, обзоры, рецензии” опубликованы

свидетельство о Н.Н. Баранском, интересные и сегодня анализы французской и английской школ в экономической географии, материал к истории его собственной кафедры в МГУ.

Есть, наконец, в книге и еще один раздел, не имеющий никакого отношения к географической науке. Это отголоски начала самостоятельного жизненного пути И.А. Витвера, когда он был музыкантом и музыковедом. Ностальгия по музыке регулярно посещала его, и “фортепьянные раздумья” ускоряли и усиливали географию. А в 1944 г. под влиянием побед Красной Армии И.А. решил провести в общежитии МГУ для желающих цикл лекций по русской музыке. Оттиск двух лекций этого цикла сохранился у М.А. Реформатской, которая выросла на глазах у Витверов в одной коммунальной квартире. Это лекции о Н.А. Римском-Корсакове и Ф.И. Шаляпине. На них — посвящение: “Дорогому Машуку на память о наших музыкальных разговорах дарю эти бранные останки моих музыкально-театральных увлечений молодости. Дядя Ваня. 20. V. 1952 г.”. Мы решили с благодарностью к обладателю опубликовать эти взволнованные и глубокие лекции не только потому, что они будут интересны всем, но и потому, что они лучше всего характеризуют их автора как человека.

Непростая судьба автора, перипетии его жизненных путей, влиявшие, конечно, на все его творчество, человеческие качества, анализ школы И.А. Витвера — все это читатель найдет в очерке его жизни и творчества, предпосылаемом однотомнику. Автор очерка — В.В. Вольский — был учеником и другом И.А. Витвера, близко знал его более двадцати лет, и это — не просто биография Учителя, а — свидетельство для истории.

Компьютерный набор книги и техническая работа над ней осуществлены научным сотрудником кафедры Л.А. Кадиловой, которой выражаем искреннюю благодарность.

Редакторы

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВИТВЕР

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

НАЧАЛО ПУТИ

Иван Александрович Витвер родился 25 февраля 1891 г. Место его рождения — небольшое село Ильино Корчевского уезда Тверской губернии (ныне — Кимрский район Тверской области). Сельцо Ильино (сейчас уже не существующее) располагалось в центрально-русском районе, по левому берегу реки Малой Пудицы (притока Медведицы). Супруги Витверы владели здесь небольшим имением, разводили молочный скот, имели

сыроварню. Отец Ивана Александровича происходил из семьи, переселившейся в Россию из Швейцарии. В свидетельстве о рождении младенца Ивана, подписанном священником церкви села Троицкое, названы родители: швейцарский подданный Александр Иванович Витвер Лютеранского вероисповедания и Мария Феофиловна католического вероисповедания (предки матери Ивана Александровича происходили из Венгрии). По гражданству отца сын Иван был также зарегистрирован подданным Швейцарской Конфедерации.

Сам Иван Александрович на родине своих предков никогда не бывал. Но представления о широте мира, интерес к нему запали ему в душу уже с раннего детства из рассказов родителей. Способствовало этому и то, что отец свободно владел французским и немецким, мать говорила по-немецки и по-английски.

Семья Витверов Отличалась высокой интеллигентностью. Родители выписывали много книг, журналов и газет не только на русском, но и на иностранных языках. В доме была отличная библиотека. В шесть лет Ваня научился грамоте и очень быстро пристрастился к чтению. В личной библиотеке И.А.Витвера, которая хранится на созданной им кафедре МГУ, до сих пор уцелели классические многотомные описания стран и народов мира Э.Реклю, В.Сиверса, Ф. фон-Гельвальда с робкими детскими пометками на привлечших внимание страницах.

Немалое влияние на формирование характера, на судьбу Ивана Александровича оказала музыка. Мария Феофиловна любила музицировать и хорошо пела. Отец был большим знатоком и хорошим исполнителем фортепьянной классики, прививал любовь к ней своим детям (их было четверо, Иван — младший). Не случайно один из них — Николай Александрович — стал профессиональным пианистом, а позже — профессором Пензенской консерватории по классу фортепьяно, Иван Александрович также обладал исключительным слухом и феноменальной музыкальной памятью. Музыка притягивала и завораживала его на протяжении всей жизни.

Глубоко культурным было и ближайшее дружеское окружение. Соседями Витверов являлись семьи, из которых вышли известный ученый-химик С.Н.Реформатский (и ученые других специальностей — представители этой семьи), знаменитый авиаконструктор А.Н.Туполев, крупный советский дипломат и деятель народного просвещения В.П.Потемкин. Детская дружба, общие увлечения молодежи сохранились на долгие Годы. В архиве И.А.Витвера есть любительская фотография 1915 г., где запечатлена сцена из “Женитьбы” Н.В.Гоголя с фамилиями артистов-любителей, исполнявших роли в спектакле.

Среди них — Н.В.Тимофеев-Ресовский, А.А. Реформатский, Ю.Н.Боголюбский, режиссер И.А.Витвер.

В 1902 г., когда наступило время идти в гимназию, родители отвезли Ваню в Москву и поселили его у тетки. В московской гимназии No 8 он учился прилежно, с интересом, увлекался то математикой, то историей и литературой. Но был предмет, которому гимназист Витвер не изменял практически никогда: это была география. Стол у него всегда был завален книгами о путешествиях, географических открытиях, далеких странах. Особенно любил он географические карты: они висели на стенах его комнатенки, были разложены на диване, он ползал по ним на полу. Каждая новая карта оказывалась для него находкой или лучшим подарком. Когда они его не удовлетворяли, он составлял их сам, увеличивая, нанося на них то, что вычитал в книгах. А однажды, затратив уйму времени и забросив другие предметы, от составил целый атлас.

В 1903 г. скончался отец. Для вдовы и детей наступили трудные времена. Молочная ферма и сыроварня, целиком находившиеся на попечении Александра Ивановича, стали приходить в упадок, а затем и вовсе были проданы: никто из наследников не проявил ни склонности, ни желания отдалиться ведению хозяйства. Вдали от дома материальные затруднения сказывались еще острее, особенно после того, как все чаще и длительнее стала болеть мать. Так жизнь довольно рано поставила перед Иваном Витвером проблему поиска самостоятельных средств к существованию. Гимназист-старшеклассник все больше втягивается в репетиторство и частные уроки. К удивлению, это не только не помешало его учебе, но, наоборот, внесло в его жизнь больше ответственности за личный багаж знаний, заставило его настойчиво искать ясного и твердого понимания того, в чем он должен был "натаскивать" порученных ему "оболтусов" и "слабаков". Так начал накапливаться и собственный педагогический опыт.

Когда в 1910 г. гимназия осталась позади, перед Витвером не встала проблема выбора дальнейшего пути: он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, единственное место во второй столице, где изучалась география. Правда, оказалось, что она была представлена весьма слабо в учебном плане физмата. Практически единственной звездой" и центром притяжения во всем географическом цикле был профессор Д.Н.Анучин, чьи блестящие лекции Иван Александрович никогда не пропускал и вспоминал о них всю свою жизнь. Очень большое впечатление производила на него широта интересов и эрудиция Анучина: с одной стороны, он мог увидеть необычайное, казалось бы, в самом привычном — по всей

Европе прошумели научные результаты его шестилетней экспедиции в верховья бассейнов Волги, Днепра и Западной Двины, в родные края Витверов; с другой стороны, в связи с разразившейся русско-японской войной он смог легко и быстро, без всякой экспедиции, написать очень объективную и интересную книгу “Япония и японцы”. Трудам Д.Н.Анучина и его лекциям о Колумбе, о Гумбольдте был обязан Иван Александрович и первым недетским интересом к Латинской Америке.

И все же одни лишь лекции Анучина с уклоном в естественно-историческое землеведение, антропологию и этнографию не могли удовлетворить студента Витвера. Первая русская революция, столыпинская реформа, неслыханные дотоле дебаты в Государственной Думе, студенческие волнения, распространение марксизма, непрерывно нараставшее соперничество колониальных держав и обострение международных отношений — все это и многое другое требовало объяснения и понимания. Между тем, основное время учебы отнимали обязательные семинары и работы по математике, физике, естествознанию. На них все труднее стало выкраивать время, значительная часть которого уходила на частные уроки и репетиторство. Вдобавок ко всему, в жизни Ивана Александровича появилась еще одна страсть, которая очень увлекла его, дала выход эмоциям. Как-то однажды в доме друзей его семьи он встретился с очень известным и популярным тогда дирижером С.А.Кусевицким, имевшим свой симфонический оркестр, и тому очень понравились взволнованные рассказы студента о композиторах и их произведениях. Он предложил студенту выступать перед его концертами с небольшими лекциями. В 1911-1913 гг. беседы И.А.Витвера, пользовавшиеся успехом у публики, неизменно сопровождали циклы симфонических концертов Кусевицкого. Не без влияния Кусевицкого возникает убежденность, что его подлинным призванием является музыка.

Большой вклад в эту убежденность внесла также возникшая в 1911 г. дружба с одним из крупнейших русских пианистов того времени Н.А.Орловым. Человек широкого диапазона, высокоинтеллигентный и тонко чувствующий музыку, с яркой внешностью истинного артиста Орлов Пользовался огромным успехом у публики. Иван Александрович не пропускает ни одного его московского концерта. А как-то, в феврале 1913 г., он вместе со своим братом Николаем организует его концерт в Пензе. После концерта в местной газете появилась заметка И.А.Витвера: “Мы не напрасно ожидали, что концерт Н.А. Орлова составит выдающееся явление в музыкальной жизни нашего города. Успех концерта превзошел самые смелые ожидания и оказался действительно исключительным... Разумеется, чем большей величины художник-пианист, тем большими гранями блещет и

алмаз его дарования, но полная совершенная многогранность артистических достижений пианиста — явление чрезвычайно редкое. Такой именно уникам совершенного пианиста представляет собой Н.А. Орлов. Вот подлинный художник милостью Божьей, артист, отмеченный яркою печатью таланта огромной величины!”

Н.А.Орлов познакомил Ивана Александровича с А.Н.Скрябиным. В семье Витверов бережно хранилась программа его авторского концерта с автографом композитора. Иван Александрович и сам охотно выступал тогда в любительских концертах, его узнали и привечали многие музыканты и любители музыки. В сентябре 1912 г. И.А.Витвер вместе с Е.А.Бекман-Щербиной стал одним из организаторов Московского Музыкального Кружка, который начал давать цикл больших концертов в отличном зале 1-й женской гимназии. Сам он неизменно выступает со вступительным словом к концертам, находя удивительно меткие, глубокие и душевные характеристики композиторам и их произведениям, выбирая фортепьянные иллюстрации к своим вступлениям.

В 1913 г. И.А.Витвер оставляет университет, не закончив обучения, и поступает в Московскую консерваторию по классу фортепиано. Уже не новичок в музыке, И.А.Витвер отдается учебе с большим желанием, настойчиво шлифует владение инструментом, неуклонно расширяет репертуар. Н.А.Орлов в одном из своих писем Ивану Александровичу очень высоко оценивает его успехи и его способности. Одним из зафиксированных и оставшихся в памяти друзей творческих взлетов И.А.Витвера того времени было сочинение им к концу консерваторского курса шуточной оперы “Мандолина прекрасная и жестокий Фокс-Терьер”, как значилось в программке — “сочинение г. Витвера при благосклонном участии г.г. Мейербера, Верди, Гуно, Чайковского, Леонкавалло и др.” В опере в иносказательной форме высмеивались порядки в Российской империи, ее участие в тяжелой бесперспективной войне. Это было “попури” из классики, соединенной мостами-интермедиями самого Витвера. Арии, дуэты и хоры хорошо запоминались. Иван Александрович стал и постановщиком спектакля и исполнителем главной партии-тенора — принца Шприца Наваррского. Любопытно, что зарубежная география активно обыгрывалась” в опере, как бы предвосхищая будущее самого автора: почти все действующие лица — знать с титулами “Болонских”, “Тулузских”, “Наварских”, а А.А. Реформатский исполнял партию баритона “ФоксТерьера Английского, короля Малобритании”. Опера имела шумный успех и исполнялась несколько раз на любительских сценах.

Здесь уместно заметить, что хотя сценические и музыкальные дарования не стали судьбою Витвера, они всегда занимали какую-то часть его души, а иногда и активно прорывались наружу. В 1918 г. он с помощью своих друзей детства и юности организует студию “Сикамбр” (словечко Сатина из горьковского “На дне”) и ставит Гоголя, Островского, Лескова, Чехова, Горького, в том числе и в красноармейских госпиталях. Чуть позже садится за новую оперу “Мельхиседек” (о чем вспоминает Н.В.Тимофеев-Ресовский), но она осталась незавершенной. В 1944 г. мощные победы Красной Армии вновь неодолимо пробуждают в нем стремление к музыкальному самовыражению: в университетском общежитии на СтрОмынке он читает для всех желающих цикл лекций о русской музыке, сопровождая их иллюстрациями.

В 1916 г. И.А.Витвер успешно заканчивает трехлетний курс Московской консерватории. Но это были очень трудные для него годы. В 1914 г. - умерла мать и почти прекратились его связи с деревней. Началась первая мировая война. После долгих волокит и перерегистраций И.А.Витвера, как подданного нейтральной страны, оставляют в покое и он может продолжать свою учебу. Однако и сокращение спроса на репетиторство, и начавшаяся в стране разруха усугубляют и без того немалые материальные трудности. Проходит и “музыкальная эйфория”, будущее становится совсем неясным: кому нужна фортепианная музыка в такое время? Приходит решение во что бы то ни стало окончить университет.

В 1916 г. И.А. Витвер снова поступает на первый курс университета, на этот раз на историко-филологический факультет (сразу после революции преобразованный в факультет общественных наук). Будучи уже довольно зрелым человеком, он учится с полной отдачей и получает разностороннее и глубокое гуманитарное образование. Особое внимание его привлекает то, что раньше было под запретом: он основательно штудирует “Капитал” К.Маркса, ряд работ Ф.Энгельса, “Развитие капитализма в России” В.И.Ленина (эти уже тогда хорошо “обжитые книги и сейчас хранятся в библиотеке И.А. Витвера). Он получает мощный заряд нового мировоззрения, и не только приемлет революцию, но и проникается чувством сопереживания за судьбы России, за лучшее будущее народа, среди которого он родился и вырос.

Далеко не все люди его круга, прежние друзья и знакомые разделяли его чувства: началась первая волна после революционной эмиграции. В 1920 г. эмигрировал в США Кусевицкий, где вскоре возглавил Бостонский симфонический оркестр **1**. Уехал в Париж и Н.А.Орлов. Будучи иностранным подданным, Витвер мог бы легко и на законном

основании уехать в ту же Швейцарию. Но для него этот вопрос не стоит: Россия — его Родина, и он разделит с ней ее судьбу. Когда его иностранное гражданство стали замечать и оно начало мешать ему, И.А.Витвер в 1933 г., одном из самых трудных в истории нашей страны, оформляет советское гражданство.

Во время Второй мировой войны С.А.Кусевский был одним из организаторов и руководителей американского движения солидарности и дружбы с Советским Союзом.

Окончив в 1921 г. факультет общественных наук по специальности “История”, Иван Александрович был оставлен при университете, а в 1922 г. зачислен в качестве научного сотрудника II разряда (так тогда называли аспирантов) в Институт истории Российской ассоциации научных исследований общественных наук (РАНИОН). Естественно, прожить в те годы на аспирантскую стипендию было немыслимо, и он, помимо исполнения обязанностей помощника хранителя отдела Московской Руси в Историческом музее при РАНИОН, преподавал еще в одной из московских школ историю, обществоведение и географию. В фондах Исторического музея Иван Александрович случайно наткнулся на еще не разобранные и еще никем не описанные архивы известного временщика Аракчеева. Так возникла тема его диссертации: “Военные поселения в России В начале XIX века”. В 1925 г. И.А.Витвер успешно выдержал все испытания, в том числе по специальности — экономическая история России и мира, защитил диссертацию и стал магистром истории (т.е. кандидатом исторических наук). Кто-то из друзей, поздравляя его с отличной защитой диссертации, пошутил: “Ну, вот теперь можно и жениться!”

И действительно, 1926 г. стал для Ивана Александровича во всех отношениях переломным. Теперь, в наше время, когда всякого рода астрологи и гороскопы стали столь модными, сказали бы: “произошло значительное перемещение его звезд и планет”. Главное, наверно, состояло в том, что до этого он настойчиво искал свою судьбу в разных направлениях, теперь же судьба нашла его сама. Что касается работы и направления его деятельности на всю оставшуюся жизнь, то судьба нашла его фактически еще до окончания аспирантуры, когда сотрудники исторической редакции издательства “Советская энциклопедия” разыскали И.А.Витвера в аспирантуре РАНИОН, чтобы заказать ему две статьи для начинавшегося тогда первого издания Большой Советской Энциклопедии, для написания которых он располагал уникальными возможностями: “Аракчеев” и “Военные поселения”. Молодой человек, еще не пробовавший себя в печати, был польщен предложением и взялся за дело не только серьезно и ответственно, но и с большим вдохновением. Когда статья “Аракчеев” была готова и попала в редакцию, она очень всем

понравилась, но была почти в три раза больше необходимого объема. Вот это и оказалось главным испытанием: сократить статью и не потерять ничего существенного и интересного. Интеллигентный, эрудированный, тщательный автор выполнил порученное дело весьма толково и тут же получил еще один срочный заказ: написать для статьи “Астраханский край” исторический раздел (он занимался историей этого края в связи с изучением военных поселений). Так началось сотрудничество И.А.Витвера с “Энциклопедией”. А в 1926 г. после окончания аспирантуры он получил от этого издательства приглашение на работу и 1 сентября стал сотрудником его исторической редакции. Но в этой редакции он проработал только несколько месяцев: все решила его встреча с Н.Н.Баранским и переход в редакцию географии, которой тот заведовал. Это и была окончательная и бесповоротная судьба Витвера на пути в мировую географическую науку. Но об этом стоит сказать специально и отдельно.

Что же касается личной жизни Ивана Александровича, то и в ней в 1926 г. произошло важнейшее событие: он женился. Надо сказать, что и здесь судьба нашла его. Скромный, ненавязчивый, подчас даже застенчивый, он никогда не был завоевателем женских сердец, и кто знает, как сложилась бы его жизнь, если бы не то стечение обстоятельств.

Эта счастливая история случилась в подмосковном санатории “Узкое”, который стал с тех пор излюбленным местом зимнего отдыха супругов. Иван Александрович здесь не только с удовольствием отдыхал, но и очень интенсивно работал. Бывшее имение князей Трубецких, превращенное декретом В.И.Ленина в 1922 году в санаторий Академии наук, в то время находилось в 12 верстах от Москвы. От Калужской заставы узкая, обсаженная елочками и рябинами дорога шла мимо полей и березовых перелесков, через деревеньки Черемушки, Беляево, Теплый Стан, пока слева не появлялся крупный массив леса, из которого вдали на пригорке выглядывала золотая маковка церкви. Большой белый дом с колоннами и портиком посередине стоит над каскадом прудов, окруженный великолепным тенистым парком с липовыми, кленовыми и еловыми аллеями. И в наше время все еще сохранился зеленый остров Узкого со старинной усадьбой среди бетонного моря 20-этажных громад все новых кварталов Москвы.

Обычно в этот маленький санаторий, который правильнее было бы назвать домом творчества, допускались лишь “маститые” — ученые, писатели, художники, артисты. Но во время зимних каникул здесь бывала и молодежь. Так в начале 1926 г. попал сюда и Иван Александрович. В столовой за общим длинным во весь зал столом напротив него сидела очень миловидная, стройная, высокая девушка. Это была Елена Сергеевна Попова —

москвичка, дочь инженера, потомственного почетного гражданина. В годы гражданской войны она добровольно работала медицинской сестрой в московском санитарном поезде, а теперь училась в медицинском институте. Контакты молодых людей были довольно ограниченными, но когда Елена Сергеевна вдруг обнаружила, что Иван Александрович заболел и слег с высокой температурой, она, используя свои медицинские знания и опыт, настойчиво предложила ему свои услуги, проявила много заботы и внимания.

Вернувшись в Москву, Иван Александрович познакомился с семьей Елены Сергеевны и сразу выразил горячее желание соединить с ней свою дальнейшую жизнь. Отец Елены Сергеевны попросил отложить свадьбу на полгода, чтобы молодые люди могли проверить прочность взаимного чувства. “Испытательный срок” только укрепил взаимную глубокую любовь, и в небольшой церкви на Плющихе состоялось венчание Елены Сергеевны и Ивана Александровича ². Они соединились в дружную, неразрывную семью Витверов, которая просуществовала 40 лет — до смерти Ивана Александровича. После венчания молодые отправились пешком на Пречистенку, где в квартире тетки в крохотной комнатухе жил Иван Александрович. Позднее Витверы переехали в Дурновский переулок (в настоящее время — Композиторская улица), где жили их друзья Реформатские, и где они занимали более просторную комнату. Лишь в январе 1961 г. Иван Александрович и Елена Сергеевна поселились в отдельной двухкомнатной квартире Московского университета на Ломоносовском проспекте.

² Н.А.Орлов прислал И.А.Витверу из Парижа небольшое письмо: “Милый друг Иван Александрович! Узнал о предстоящей Вашей свадьбе и от души поздравляю Вас и Вашу будущую жену. Очень бы хотелось повидаться с Вами и о многом, многом поговорить. Вы мой такой хороший друг! Надеюсь, что когда-нибудь увидимся. Сейчас отбываем с мамой в Ниццу, где тепло, как летом. Сердечно Ваш Ник. Орлов. 28 дек. 1925 г.”

Елена Сергеевна, став женой Ивана Александровича, целиком посвятила всю себя жизни мужа. Будучи сама культурным, образованным человеком, она стала верным, добрым, исполнительным помощником Ивана Александровича во всех его делах. Елена Сергеевна полностью взяла на себя бытовую сторону семейной жизни, освободив от ежедневных забот Ивана Александровича, отличавшегося неприспособленностью к борьбе с житейскими мелочами. Елена Сергеевна постоянно была для Ивана Александровича и его секретарем, имея дела с машинистками, осуществляя связь с библиотеками, редакциями, регулируя приход студентов, аспирантов, коллег Ивана Александровича, если их поток

становился чрезмерным. Когда Иван Александрович бывал нездоров, Елена Сергеевна вспоминала свою медицинскую подготовку и становилась домашним врачом и медицинской сестрой. Она разделяла все заботы, увлечения мужа, всегда сопровождала его в поездках на отдых, а иногда и в служебные командировки. Постоянное присутствие рядом любящего, понимающего, преданного друга облегчило Ивану Александровичу достижение тех больших творческих результатов, которых он добился.

ПОД “ЗНАКОМ БАРАНСКОГО“

Этот человек сыграл такую большую роль в жизни И.А.Витвера, что можно без всякого преувеличения сказать о судьбоносности его влияния. Баранский открыл Витвера для географии, оказал решающее воздействие на его формирование как экономико-географа, был вдохновителем и редактором многих его работ, соратником по борьбе за новую географию, другом. Настоящая большая, мужская, творческая дружба этих, казалось бы, столь разных людей удивляла и восхищала всех, кто знал их.

Николай Николаевич Баранский (1881—1963) — сибиряк, могучий телом и духом, отличающийся широкой, страстной натурой (он очень напоминал собою репинского казацкого атамана, диктующего писарю ответ турецкому султану), большевик-подпольщик, побывавший в тюрьмах и ссылках, участник трех революций — включился в научную работу в области экономической географии сразу после победы Октября. Баранский стал зачинателем в нашей стране перестройки географии из искусства землеописания в аналитическую, синтетическую и, главное, конструктивную науку. Особенно много он сделал для разработки новой методологии экономического районирования советской России для Госплана. Выход в свет его книги, первого крупного итога научных поисков, сделал его признанным главой советской экономической географии. И.А.Витвер писал об этом: “В 1926 г. Н.Н.Баранский опубликовал свой первый учебник “Экономическая география СССР”, где выступил с яркой и убеждающей пропагандой советского районирования, принципиально отличающегося от всех дореволюционных опытов районирования, и прежде всего отличающегося своим преобразовывающим и перспективным характером”.

В том же 1926 г. Н.Н.Баранский возглавил редакцию географии в Издательстве “Советская энциклопедия” и очень быстро привлек к работе в ней наиболее известных тогда разносторонних географов — А.А.Борзова, В.А.Каменецкого, Л.Д.Синицкого, Б.Ф.Добрынина, И.П. Магидовича. Баранский был незаурядным открывателем талантов, умел привлечь к работе и увлечь новыми идеями. Именно поэтому “группа

энциклопедистов” превратилась в важнейший в стране научный центр географии. Ведь положение географической науки тогда еще было маргинальным. В Московском университете ее по-прежнему изучали на физико-математическом факультете, теперь уже на почвенно-геолого-географическом отделении. И, хотя в учебном плане отделения присутствовали элементы антропогеографии, Баранский не без основания считал географию того времени “обесчеловеченной”. Он поставил своей целью добиться создания и признания марксистской общественной науки — экономической географии. И.А.Витвер стал соратником Н.Н.Баранского в борьбе за такую науку.

Первая встреча этих двух людей произошла после того, как на столе у Баранского оказались гранки статьи для 3-го тома БСЭ “Астраханский край”: в Витверовском разделе очень четко и интересно были изложены историко-географические аспекты. Личное знакомство с автором довершило дело: Баранский высоко оценил редкое сочетание интересов и знаний Витвера — и юношеское увлечение географией, и учебу на физмате у Д.Н.Анучина, и отличное знание общественных наук и владение иностранными языками. Самое благоприятное впечатление производили скромность, аккуратность, воспитанность молодого человека. Баранский предложил Витверу перейти к нему в редакцию и взять на себя ведение раздела экономической географии капиталистических стран. Баранский, в свою очередь, произвел очень большое впечатление на молодого историка, мечтавшего о географии. Он с благодарностью принял предложение.

И.А.Витвер проработал в “Энциклопедии” семь лет. Уже здесь со всей полнотой раскрылись приобретенные им разносторонние знания, начитанность, эрудиция, проявилась острота ума, умение быстро “схватывать” суть вопроса, “прикинуть цифру”, разглядеть пропущенную многими ошибку. Все это были качества, заложенные в нем с детства и юности и получившие здесь лишь огранку, отмобилизированные и собранные вместе, чтобы служить делу, за которое он взялся со всей присущей ему серьезностью и ответственностью. Вместе с тем эти годы дали ему и много нового, и он высоко ценил школу творчества, которую прошел в энциклопедической редакции географии.

Прежде всего это была школа Баранского. Пламенный агитатор-революционер, уже выносивший свои идеи новой географии, он быстро завоевывает Витвера на сторону этих идей и дает старт его самостоятельному географическому мышлению на материале капиталистических стран, способствует формированию его как динамичного и перспективного современного ученого-географа. Несомненной заслугой Баранского было и то, что он научил растущего географа смелости и самостоятельности в работе с

классиками марксизма-ленинизма. В те годы как раз началось первое издание собрания сочинений В.И.Ленина, и выход в свет каждого нового тома был событием и горячо обсуждался в редакционном коллективе. Именно тогда Витвер понял то, чему потом неустанно учил нас, его учеников: В марксизме надо искать не букву, а его дух, метод, Видеть и общество и сам марксизм в неперенном развитии, твердо знать, что “Живая душа марксизма — конкретный анализ конкретной ситуации”. У Баранского учился Витвер и широте его взглядов и подходов, умению делать крупные и глубокие по теоретическому значению обобщения, умению безбоязненно и решительно браться за преодоление новых тем, за решение еще незнакомых и трудных вопросов. Примером для Витвера была и кипучая энергия Баранского, его способность работать сразу в нескольких направлениях, попевать при этом везде, да еще немало времени оставлять и для личной жизни. Зачастую он достигал всего этого за счет своего богатырского здоровья. Иван Александрович не мог особенно похвастать последним, и потому он сумел достичь огромной работоспособности за счет большого трудолюбия и максимально рационального использования времени. Он научился планировать свое рабочее время по часам и минутам.

Это, конечно же, была и школа работы в первом в его жизни научном высококвалифицированном творческом коллективе, руководимом Баранским. Хотя Витвер вскоре после прихода в редакцию благодаря проявленным им способностям и качествам, в том числе таким, как объективность и тщательность в оценке материалов, скрупулезность в проверке данных и источников, пунктуальность и в соблюдении сроков сдачи статей, стал заместителем редактора отдела географии, фактически он продолжал учиться у всех сотрудников редакции, высоко ценил их знания, установил с ними дружеские добросердечные отношения. Впоследствии Иван Александрович не раз тепло вспоминал совместную работу с такими интересными и одаренными людьми, как историко-географ И.П.Магидович, физикогеографы А.А.Борзов и Б.Ф.Добрынин, картограф и “географ-универсал” В.А.Каменецкий, “европеец” Л.Д.Синицкий. Вместе с последним он написал две крупные статьи в БСЭ — “Великобритания” и “Германия”, с другими продолжал сотрудничать и после ухода из “Энциклопедии”.

Наконец, как писал сам Иван Александрович, “работа в БСЭ являлась неплохой школой в отношении систематической, требующей строгого отбора и точности работы над разнообразным экономико-географическим материалом”. Особый энциклопедический жанр научной литературы требует от автора и редактора лаконичности, умения отделять второстепенное от главного, случайное от типичного, делать широкие обобщения, давать

исчерпывающие дефиниции. Витвер в совершенстве овладел таким стилем работы. Он отчетливо прослеживается и во всех его “послеэнциклопедических трудах, особенно в знаменитом учебнике.

Большое значение для быстрого роста Витвера как ученого имело и то обстоятельство, что “Советская энциклопедия” располагала в те годы, бесспорно, лучшей в Союзе библиотекой по зарубежным странам. Несмотря на тяжелое экономическое положение страны и острейшую нехватку валюты, правительство все же изыскивало средства для выписки минимально необходимых энциклопедистам новейших книг и справочников из ведущих капиталистических стран.

Баранский вводит Витвера и в высшую школу, шаг за шагом, по мере того как добивается все более основательного внедрения в нее пропагандируемой им новой экономической географии. В 1926-1927 гг. Иван Александрович регулярно посещает заседания созданного Баранским сектора экономической географии Института экономики Коммунистической Академии, где ведутся острые теоретические дискуссии по вопросам методологии науки. С несколькими докладами по проблемам экономической географии Латинской Америки выступает и он. В начале 1928 г. Баранский предлагает ему начать читать систематический курс экономической географии стран Латинской Америки во 2-ом МГУ (впоследствии — Педагогический институт им. В.И.Ленина). Сам Баранский читает там с 1927г. курсы экономической географии СССР и США.

В 1929 г. происходит важнейшее событие в истории советской экономической географии: она впервые пробивает себе дорогу в Московский государственный университет. Баранский организует кафедру на почвенно-географическом факультете, становится ее заведующим и приглашает Витвера читать курс по странам Латинской Америки. У Ивана Александровича возвращение в свою “альма матер” в качестве преподавателя, да еще вместе с уже признанным вождем советской “районной школы” экономической географии Баранским, вызывает большое удовлетворение и новый прилив сил. Он интенсивно работает над порученным ему курсом. Его лекции и семинары становятся популярными, к нему тянется молодежь, начинают с симпатией присматриваться маститые профессора с других кафедр.

Баранский, как всегда, замечает и поощряет усилия своих коллег и подопечных. Он вновь оказывает большое доверие Витверу: в первом многотомном советском географическом издании “Всемирная экономическая география” он просит его взяться за подготовку тома по Южной Америке, а затем, после успеха этого тома, и за еще один — по

Карибским странам. Так, в 1930-1931 гг. появились фундаментальные страноведческие работы Витвера, естественно, под редакцией Баранского.

Между тем, в 1932 г. завершается выпуск первого издания Большой Советской Энциклопедии. Конечно же, не только поэтому энциклопедическая работа становится для Ивана Александровича пройденным этапом — у коллектива было немало других планов и замыслов, в том числе и географических. Слишком много времени и сил уходит здесь на проверку и редактирование чужих текстов, не устраивают уже и жесткие канонические рамки собственных статей. Тем более, что он вкусил уже полной мерой радость “свободного творчества”, возможность поисков, гипотез, доказательств, даже “лирики” собственного восприятия того, что здесь должно сводиться к сухому слову “информация”. По душе пришлось ему и преподавательская работа. Все эти соображения, несомненно, сыграли свою роль, но главным, безусловно, было то, что его опять настойчиво приглашал к себе Баранский — перейти из лекторов-почасовиков в штат его кафедры.

С 1 мая 1933 г. И.А.Витвер становится доцентом почвенно-географического факультета МГУ. Начинается новый этап дружбы и сотрудничества двух ученых, который продолжается до конца их жизни. Надо сказать, что дружба эта с самого начала была искренней и уважительной. Баранский был старше Витвера и в жизни — на целых десять лет борьбы, арестов и революций, и в географической науке — на целую разработку концепции советской экономической географии. Витвер, в свою очередь, считал себя во многом учеником Баранского, очень ценил его и высоко ставил как ученого. Николай Николаевич всегда обращался к Ивану Александровичу только по имени-отчеству, относился к нему как к равному, как к человеку своего поколения, прислушивался к его мнению. Очень простой, прямой, подчас резкий до вспыльчивости, Баранский не позволял себе повышать голос в общении с Витвером, что, видимо, обуславливалось и чертами характера последнего: высоким интеллектом, умением понимать и воспринимать “на лету”, безукоризненной обоснованностью и рациональностью собственных мнений и соображений, большой воспитанностью и обостренным чувством достоинства.

Следующий, 1934 год, стал еще одним “большим годом” в жизни И.А.Витвера, и он, пожалуй, как никогда, проходил под знаком “звезды Баранского”. К этому времени Иван Александрович уже получил известность и признание как автор двухтомника по странам Латинской Америки, как прекрасный и все расширяющий свою тематику лектор, как сподвижник Баранского в его борьбе за новую экономическую географию. И, надо сказать,

что в результате этой борьбы, настойчивой и бескомпромиссной, одерживались все новые победы.

Взгляды Баранского и Витвера на географическую науку встречали довольно сильную оппозицию, причем не только со стороны экономико-географов так называемого “статистически-отраслевого направления”, но и со стороны значительной части тогдашних физикогеографов. Первые считали, что их наука является частью экономики, что эта общественная наука не может иметь ничего общего с закономерностями, которым подчиняются реки и горы, что ее надо изучать только на экономическом факультете. Работы этого направления обычно сводились к сухим схемам, таблицам, конъюнктурным отраслевым обзорам, оторванным от природных условий, от карты. Физикогеографы, в свою очередь, занимались изучением привязанных к земной поверхности компонентов природы нередко вне всякой связи с тем, что она является средой обитания общества, что воздействие общества на природу непрерывно возрастает, что условия использования природы человеком меняются по мере развития производительных сил. Разумеется, такие физикогеографы сводили всю географию только к естественным наукам, и, будучи знакомыми с экономической географией преимущественно по работам “отраслевиков”, с изрядной долей скептицизма восприняли учреждение на почвенно-географическом факультете кафедры Баранского. Между тем, последний исходил из необходимости неразрывных связей между физико-географическим и общественно-географическим разделами единого комплекса наук. В представлениях Баранского и Витвера экономическая география — наука, изучающая размещение, сочетание и взаимодействие производительных сил в процессе использования географической среды на разных этапах общественно-исторического развития. Конечно же, она изучает общественные закономерности, зависящие от характера и уровня развития социально-экономической формации. Но эти закономерности реализуются в ходе использования географической среды. И если мы не хотим, чтобы способы использования, кажущиеся выгодными данному обществу, исходящему из мощи своих производительных сил, стали деструктивными для среды нашего обитания (а сколько таких примеров даже в самое последнее время!), мы должны быть оснащены самыми новейшими и достоверными знаниями об этой среде, чтобы действовать в рамках присущих ей закономерностей, а не против них. В свою очередь, физическая география и ее отрасли, если они хотят быть конструктивными, преобразующими науками, как того добивался Баранский, должны внимательно следить за развитием и размещением производительных сил общества, за их влиянием на природу,

давать свои рекомендации на этот счет. Вот это и есть твердая основа для тесного сотрудничества экономической и физической географии.

Уже за первые несколько лет работы в МГУ Баранский, энергичный пропагандист своих идей, добивается решительного перелома в соотношении сил спорящих сторон не только на своем факультете, но, пожалуй, и в масштабах всей советской географической науки. Однако моральные и теоретические победы в то время мало что меняли в учебных планах и планах издательств. Более того, они даже таили в себе немалую опасность, пока не были одобрены “сверху”. И мало ли бывало случаев в истории нашей командно-административной системы, когда целые науки “гробились”? Достаточно вспомнить генетику или кибернетику: понадобились целые десятилетия неопровержимого жизненного опыта, чтобы они снова утвердились в своих правах.

К счастью, географии крупно повезло. Когда в связи с намечавшейся реформой школы острые дискуссии в области этой науки вошли в орбиту внимания ЦК ВКП(б), созданная для рассмотрения вопроса комиссия оказалась компетентной и разумной. В нее был включен и Н.Н.Баранский. Беспартийный И.А.Витвер в комиссию не вошел, но она выслушала его мнение с большим интересом. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О преподавании географии в начальной и средней школе СССР" было принято 16 мая 1934 г. вместе с двумя другими — “О структуре начальной и средней школы” и “О преподавании гражданской истории”. Постановление сыграло огромную роль в становлении и развертывании подлинного географического образования не только в начальной и средней школе, но и в высшей: вскоре было принято развернутое постановление ВКВШ (его председателем был тогда Г.М. Кржижановский) "О преподавании экономической географии в ВУЗах и ВТУЗах” (от 14 июля 1934 г.).

Оба постановления затронули и личные судьбы Баранского и Витвера. Первое поручало им обоим подготовить в короткий срок стабильные учебники географии для средней школы: Баранскому — по физической географии СССР для 7-го класса и экономической географии СССР для 8-го класса; Витверу — по экономической географии капиталистических стран для 9-го класса. Для Ивана Александровича начиналась двадцатилетняя эпопея служения школе, миллионам и миллионам советских людей, которым шестнадцать изданий его учебника открыли окно в мир. Здесь же надо сказать, что его работа, связанная со школой, не ограничивается только написанием учебника. Все тот же неутомимый Баранский привлекает его к чтению лекций на организованных им курсах усовершенствования учителей географии. Тогда же, в 1934 г. Баранский создает первый

советский географический журнал — “География в школе”, становится его главным редактором, и уже в первых трех номерах появляются статьи его неизменного соратника и коллеги И.А.Витвера.

Постановление ВКВШ не только утверждало "районную школу" экономической географии в качестве перспективного направления развития этой науки в высшей школе, но и значительно расширяло сферу ее влияния в университетах, педагогических, экономических, многих инженерно-технических институтах. Касалось это и Московского университета, где на базе кафедры Баранского рекомендовалось создать две кафедры — кафедру экономической географии СССР и единственную в Союзе кафедру экономической географии капиталистических стран. Приказом по университету в ноябре 1934 года такая операция была осуществлена. Руководителем новой кафедры был назначен И.А. Витвер. До конца его жизни кафедра становится главной повседневной заботой Ивана Александровича.

Н.Н.Баранский очень гордился тем, что нашел, “сделал Витвера” и “подарил” его географическому факультету. Что же касается Витвера, то достижение им полной самостоятельности и равноправия с “самим Баранским” нисколько не изменили его характера и поведения — он оставался таким же скромным, ровным в отношениях с людьми, тактичным, доступным, общительным, всегда готовым прийти на помощь. Дружба и сотрудничество двух ученых стали еще более зрелыми, основательными и плодотворными. Они всегда советовались друг с другом, обменивались мнениями и по вопросам науки, и по поводу кафедральных дел, работали вместе в ученых советах и на разного рода конференциях, вместе читали лекции вне университета: на Ленинских курсах — до войны, в Институте международных отношений — после. Они дружили домами, и Николай Николаевич не раз наслаждался игрою Ивана Александровича на фортепьяно.

По натуре, по характеру они были очень разными людьми. Их, конечно, объединила любовь к географии, преданность науке. Но были у них и общие чисто человеческие черты: честность, правдивость, искренность. Они очень доверяли друг другу, ценили мнения друг друга, внимательно прислушивались к ним. Наверно, ни одна из рукописей их скольконибудь значительных работ не прошла мимо взаимного рецензирования: каждый из них был уверен, что другой выскажет до конца, без всяких скидок на дружбу, все, что он думает об этой работе, до того, как она будет отдана на широкий суд.

В архиве И.А.Витвера, который хранится на его кафедре в МГУ, есть несколько нигде не опубликованных рецензий на работы друг друга. Как интересно читать их, видеть

за ними никем не отредактированные образы больших, необычных, своеобразных людей! Воистину, человек — это стиль!

Со своими противниками Баранский бескомпромиссен, беспощадно громит “леваков”, “отраслевиков”, “статистиков от географии”. Он упрекает Витвера в недостаточном внимании к этому. Последний же реагирует на них гораздо более спокойно и дифференцированно. Отмечая одно из мест в рукописи книги Баранского “Очерки по школьной методике экономической географии”, он говорит: “Здесь опять-таки отраслевому направлению приписываются, как неизбежные его свойства, черты, присущие определенным работникам очень низкого уровня. Изучающий отрасли, хотя бы и в статистическом разрезе, может пользоваться цифрами толково, а иной районник” может и описание района забить бестолковыми цифрами. Здесь необходимо разграничить то, что составляет суть направления, от того, что привносится научной беспомощностью определенных лиц, принципиальную сторону дела от фактического состояния”.

Баранский не упускает случая высмеять своих недругов, но непрочь он пошутить и с другом, да иной раз так, что у того, наверное, холодок пробежит между лопаток. В рецензии для Учпедгиза на рукопись первого издания учебника Витвера он пишет: “Должен чистосердечно сказать, что за всю свою, весьма длительную, практику рецензентской работы я ни разу еще не встречал до такой степени “гладкой” рукописи, в которой никак нельзя ничего найти, к чему можно было бы придраться.

И профессиональное самолюбие подталкивает на ту парадоксальную мысль, что может быть в этой “гладкости” и безупречности и надо видеть главный недостаток работы: так гладко все написано, что ребята будут читать и ни на чем не зацепятся, а значит, ничего из учебника и не вынесут”. Впрочем, Баранский не настаивает на этой мысли и тут же показывает, что это — шутка: “Если же оставить парадоксы, то к чему можно было бы еще придраться?”— и далее следует более трех десятков замечаний. Среди них есть и очень серьезные, которые подадут Витверу идею большой историко-географической работы. Прочитав “Общий обзор капиталистического мира”, Баранский пишет: “Изложено очень последовательно и обстоятельно, но местами трудновато и в то же время длинновато. Все же интересно знать: юноша, сие прочитавши, ответит на вопрос о том, почему Англия вышла в империалистическую державу, а Индия — в колонию, а не наоборот. Или это не наше дело, а дело историков? Сомневаюсь”. Иван Александрович на полях рецензии помечает свою реакцию на замечания: “выбросил”, “выбросил”, “развил”, “изменил”, “вставил”. А напротив процитированного пишет: “Думаю, лучше не надо: зашьемся”. Но в

голове его уже засела и будет расти, пока не найдет себе выхода, мысль о необходимости географического подхода к истории мирового капитализма.

Язык у Баранского простой, он любит объяснять с помощью ярких, запоминающихся образов, то и дело употребляет сильные выражения. По поводу утверждения Витвера, что граница по Пиренеям “удобно разделяет Испанию и Францию”, он замечает: “Удобством это может быть разве лишь для страны слабейшей, обороняющейся, а не для сильнейшей и нападающей. Получается, как будто два буйных пьяницы, еще не совсем потерявших сознание, дорожат перегородкой между ними”.

Но вот оно, все отношение Баранского к Витверу, к его труду — в конце рецензии: “В заключение могу сказать, что учебник Витвера — лучший учебник, какой я когда-либо видел, не только на русском языке, но и на прочих. А прочитал я учебников иностранных (американских, английских, французских, немецких и польских) всего не менее полусотни”.

Витвер в своих рецензиях не позволял себе подшучивать над кем бы то ни было, тем более над Баранским. Он не любил “излишне сочных” выражений, писал свои замечания спокойно и, как правило, аргументированно. Но иногда и без всяких аргументов, как бы стесняясь, вносил свое предложение на усмотрение автора: “Насчет объяснения создания заводов в Ленинграде “по глупости” и дальше до слов “о буржуях” надо опустить”. Он прорабатывал рукописи основательно, надежно, можно сказать, исчерпывающе и не взирая на лица. В упомянутой уже рецензии на книгу Баранского — 14 машинописных страниц замечаний. Но ведь это Баранский! И Витвер предупреждает: “Предлагая ряд своих возражений и замечаний, я бы очень хотел, чтобы наиболее существенные из них были приняты автором во внимание. В то же время мне хочется сказать редакции Учпедгиза (прошу извинения за некоторую фамильярность обращения): с “причесыванием” этой работы нужно быть осторожным: Баранский плохо поддается этой операции и в прилизанном виде он не будет похож на Баранского. А по многолетней работе, по всему, что им сделано и пережито во имя экономической географии — он имеет в конце концов право высказать то, что он хочет, и так, как он хочет”.

Нельзя забыть, как готовился Иван Александрович к 70-летию Баранского. Сам писал адрес, под которым по обычаю поставили подписи все без исключения члены кафедры, еще более тщательно, чем всегда продумывал и без конца редактировал свое выступление: он очень хотел, чтобы ни сам Николай Николаевич, ни люди не подумали, будто им движут личные мотивы, что его оценки субъективно пристрастны, по-дружески

юбилейно преувеличены. Коммунистическая аудитория в здании на Моховой была переполнена — люди сидели на ступеньках, стояли в проходах. Ректор академик И.Г.Петровский предоставил слово Витверу первому. Когда он начал говорить своим негромким голосом, празднично настроенная, довольно шумная аудитория замерла — настолько взволнованной, искренней, сердечной и в то же время настолько конкретной, содержательной, интересной была его короткая речь. Когда он закончил и Николай Николаевич с Иваном Александровичем на какие-то мгновения застыли в объятиях в порыве взаимной душевной приязни, зал поднялся на ноги и устроил овацию. И, кажется, она была адресована не только юбиляру, но и его другу и сподвижнику, им обоим, ставшим еще при жизни корифеями науки.

Имена Н.Н.Баранского и И.А.Витвера навсегда останутся рядом в истории советской экономической географии. Останется в истории и большая дружба этих географических “Маркса и Энгельса” — душевно щедрая и искренняя, принципиальная и требовательная, никогда не забывавшая о главном деле их жизни и очень личная.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЖИЗНИ

Бесспорно, главным делом всей жизни Ивана Александровича Витвера, настоящим творческим подвигом его, было создание в рекордно короткий срок “с нуля” выдающегося учебника экономической географии зарубежных стран для средней школы. Многие поколения советских девятиклассников познавали зарубежный мир “по Витверу”. Долгие годы Витверовский учебник широко использовался и в системе политического просвещения, и в вузовском обучении. Благодаря учебнику имя его автора стало известно многим миллионам советских людей.

История создания учебника была связана для Ивана Александровича с большим напряжением всех сил и немалым драматизмом.

Конечно, нельзя сказать, что Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), поручающее ему подготовку учебника, было для него полной неожиданностью: без предварительного разговора на эту тему вряд ли могла бы появиться его фамилия в такого рода документе. И.А.Витвер рассказывал, что когда возник этот вопрос в специально работавшей комиссии, первой его реакцией было сообщить о том, что у него нет никакого опыта подготовки учебников и он очень опасается недостаточности своих знаний по многим странам мира, которыми он до того практически не занимался. Убедил его дать согласие Баранский, но сам при этом шутил, что это напоминает ему известную историю из Шолом-Алейхема о том, как пытались выдать хромую рябую Двойру замуж за князя Радзивилла. С большим

трудом получив согласие Двойры, сват отер со лба пот и воскликнул: “Пол-дела сделано, теперь осталось уговорить князя!” Сам Иван Александрович был почти уверен, что ему, беспартийному, не могли поручить в партийном документе такое важное и ответственное дело.

Поэтому он не питал особых иллюзий и, когда постановление было принято, оно фактически оказалось для него неожиданным.

Персональное поручение он воспринял как большую честь и высокое доверие, которое, если он возьмется за его выполнение, он никак не может не оправдать. Присланный ему вскоре на подпись Учпедгизом договор на написание учебника отводил на всю работу 6 месяцев — более чем по 4 печатных листа совершенно нового, не имеющего никаких заготовок текста в месяц. Поэтому он не бросился со всех ног подписывать договор: надо было взвесить и оценить реальные силы и возможности. Будучи человеком крайне ответственным и добросовестным, Иван Александрович не мог оставить все те обязанности, за которые уже взялся до этого. Перейдя накануне в университет, он набрал себе ряд курсов, уже тогда превышавших обычную лекционную нагрузку доцента, а в предстоявшем 1934/35 учебном году решил подготовить и прочесть еще один никем никогда не читавшийся историко-географический курс мирового хозяйства. Немало времени отнимали у него добровольно взятые на себя обязанности члена научной редакции Всесоюзного картографического треста. Была, наконец, и работа по контракту с Институтом мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической Академии — И.А.Витвер являлся одним из ведущих авторов и редакторов готовившегося к печати атласа “Империализм и колонии”. Поскольку последняя работа оплачивалась дополнительно, Иван Александрович попытался прежде всего освободиться от нее. Но там не захотели и слышать об этом — было самое горячее время работы над атласом и потеря Витвера оказалась бы невосполнимой, существенно затянула бы работу. С большими трудностями было связано и временное высвобождение его на почвенно-географическом факультете: вместо его одного надо было искать 4—5 “почасовиков”, изыскивая для них и средства и возможности оплаты.

Проблемы “о чем писать?”, “что писать?” и “как писать?” в учебнике Витвер должен был решать в основном сам, в соответствии со сложившимися у него взглядами и интерпретируя на собственный страх и риск весьма краткое Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). Но среди этих проблем была одна, без неотложного решения которой оказалось трудно приступить к учебнику: понадобились новейшие добротные источники,

справочники, атласы. До 1930 г. правительство не только разрешало обеспечивать литературой за валюту несколько основных научных центров в стране (в частности, “Советскую энциклопедию”), но даже позволяло отдельным ученым по спискам ЦКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых) выписывать такую литературу для себя лично на сумму до 10 рублей (5 долларов по тогдашнему курсу) в месяц. И.А.Витвер также обладал таким правом в 1926—1930 гг. Но начиная с 1931 г. все это было запрещено, страна была отрезана от мира голодным информационным пайком.

На предложение подписать договор о составлении учебника И.А. Витвер отвечает письмом, где, в частности, говорится:

“Прежде всего я должен подчеркнуть, что дело идет о составлении в полной мере нового учебника, поскольку этого требует сам новый курс в преподавании географии, взятый Наркомпросом, и поскольку сам я раньше не писал учебников и, следовательно, не имею возможности облегчить свою работу частичным использованием прежнего материала

3.

3 Учебник Н.Н.Баранского по экономической географии СССР в 1933 г., вышел 5-м изданием.

Понятно, что составление учебника для 9-го класса объемом в 25 листов в полугодичный срок, являясь делом огромной ответственности, требует исключительно напряженной работы в течение всего, крайне ограниченного срока, данного для работы. Между тем нагрузка моя и степень переутомления в настоящее время таковы, что я не имею возможности взять никакой сколько-нибудь значительной дополнительной работы...

Совершенно очевидно, что при сохранении этой нагрузки взять на себя обязательство давать по 4 листа в месяц (в среднем) доброкачественной авторской продукции для учебника было бы, мягко выражаясь, легкомыслием, а выражаясь более определенно, халтурой, чем до сих пор я старался не заниматься.

Таким образом, первое условие подписания договора, которое я вынужден поставить — это предоставление мне возможности освободиться на все время, оставшееся до 1 января 1935 г., от всех моих обязанностей. Это не значит, конечно, что я сразу использую эту возможность полностью: есть ряд обязанностей, которые я ни при каких условиях не смогу бросить на полуслове, но без такой возможности я просто не имею права подписать договор. “ 4.

4 Копия письма находится в архиве И.А.Витвера на кафедре в МГУ.

В конце письма И.А.Витвер аргументирует необходимость неотложной выписки иностранной литературы и просит исходатайствовать через Наркомпрос разрешения на выписку ... иностранной литературы на сумму 100 рублей “.

Надо признать, что в те годы “административно-командная система” работала довольно эффективно, тем более когда речь шла о выполнении постановления, подписанного “самим Сталиным”. Уже через два дня И.А. Витверу был направлен ответ о том, что он полностью высвобожден для работы над учебником и ему разрешено выписать иностранную литературу, список которой он должен немедленно выслать.

Интересно, что Иван Александрович выслал список просимой им литературы на другой же день после получения ответа на свое письмо с совершенно точным описанием новейших книг на английском, немецком, французском и итальянском языках, с указанием издательств и цен (и с примерным переводом их в рубли, чтобы не превысить разрешенную ему сумму). Это значит, что он постоянно и тщательно следил за выходящей за рубежом географической литературой, справочниками и атласами — даже тогда, когда выписка их была практически прекращена.

Методологически И.А.Витвер был готов к написанию принципиально нового учебника. К тому времени он уже “выстрадал” свою экономическую географию капиталистического мира. И это не было довольно обычным тогда словесным приспособлением под “лозунговый марксизм”. Более того, он смело и даже рискованно для того времени выступал против такого подлаживания “под марксизм”. В статье “О показателях для экономико-географической характеристики капиталистических стран”⁵ он пишет:

5 География в школе , No 1, 1934.

“Тезисы VI конгресса Коминтерна дали установки для характеристики уровня развития капитализма в различных странах и их места в системе империализма. Эти установки получили руководящее значение; их не может миновать ни один экономикогеограф, работающий по капиталистическим странам. Деление стран, установленное Коминтерном, вошло в некоторые учебники, появились программы по географии, построенные по классификации Коминтерна, появились попытки карт, построенных на основе этой классификации. В то же время появилась новая опасность — опасность приспособленческой халтуры: для автора, очень желающего быть “левым”, но не желающего работать, дело стало сводиться к тому, чтобы приклеить к данной стране ярлык, соответствующий” тезисам Коминтерна. Между тем необходимо совершенно твердо

осознать, что наличие в тезисах Коминтерна руководящих указаний ни в какой мере не освобождает экономикогеографа от упорной работы. Коминтерн никогда не брал на себя ни задачи замены курса экономгеографии, ни задачи составления инструкции для картографа, ни иных специальных обязанностей. Недостаточно просто подвести данную страну под определенную категорию. Надо это обосновать конкретным материалом, раскрыть наряду с чертами, типичными для целой группы стран, также черты своеобразия, присущие в большей или меньшей степени каждой стране”,

Главным в методологии И.А.Витвера был подлинно научный поиск реальных закономерностей, управляющих размещением, сочетанием и взаимодействием производительных сил в различных странах и районах, в разных природно-ресурсных и общественно-исторических условиях. И, надо сказать, он дал блестящие образцы и разработки такой методологии и ее практического применения — к этому мы сможем вернуться еще не раз.

Одной из весьма объемных задач оказалась оценка всех тех советских учебников, которые были написаны и изданы до него. Надо сказать, что в конце 20-х и начале 30-х годов было сделано немало попыток дать школе учебник по экономической географии зарубежного мира — порою с самых противоположных методологических позиций.

Наиболее распространенными были учебники “отраслевого” направления школы ленинградского профессора Дена. Лучший из них и продержавшийся дольше других — “Очерки экономической географии иностранных государств” Вольфа и Мебуса — оказался до отказа насыщен таблицами и “рассыпной статистикой” по населению, отраслям хозяйства и транспорту мира и отдельных стран. Но он полностью пренебрегал природными условиями и ресурсами, историческими особенностями развития стран, не пытался выявить типы стран, закономерности и национальную специфику размещения производительных сил в них, не касался вопроса об экономических районах, фактически отрывал экономику от политики, не давал объяснения сдвигам в политической карте мира. Эти два последних недостатка и решили в конечном счете судьбу учебника: в те годы форсированной политизации нашего общества не только аполитичность, но даже недостаточная с точки зрения кого-то, а тем более “власть предрешающих”, политичность была подозрительна и нетерпима.

К числу “аполитичных” был отнесен и учебник Л.Д.Синицкого, с которым Иван Александрович работал вместе в “Советской энциклопедии” и которого ценил и уважал. Но этот учебник действительно “выпадал” из современного ему видения мира — он был

написан с позиций “антропогеографии” анучинских времен, искал этногеографические черты народов, но был далек от поисков закономерностей развития и размещения хозяйства в различных странах и районах.

В ходе борьбы против “аполитичности” Наркомпрос, в полном соответствии с нашими российскими “традициями” шархнулся в другую сторону и в 1932 г. выпустил в свет быстро сработанный группой аспирантов профессора Дена учебник “Экономическая география капиталистического мира” под редакцией Полееса и Минускина. Это был уже “супермодерный” и “сверхмарксистский” взгляд не только на мир, но и на экономическую географию как науку. В предисловии к учебнику авторы провозглашают основной установкой экономической географии капиталистических стран “показать конкретно ход всеобщего кризиса капитализма, специфические особенности его проявления в различных странах, специфические условия назревания революционного процесса в них”. В тексте учебника в, основном, переписывались программа Коминтерна, резолюции и постановления его конгрессов и пленумов. Конъюнктурная цифирь, призванная иллюстрировать “ход кризиса” и документы Коминтерна, была неряшливой и бессистемно рассыпанной по страницам. Рассматривая этот учебник, Иван Александрович спрашивает: “А как обстоит дело с географией? Узнают ли учащиеся из этого учебника, на каком океане или на какой реке стоит Нью-Йорк, или будут знать его только как “центр капиталистических противоречий” (как в “разговоре за чайным столом” Ильфа и Петрова)?”. Он однозначно оценивает учебник Полееса и Минускина как “упразднение географии и крайний перегиб в сторону поверхностной политизации”, как “подмену экономгеографии экономполитикой”, как плохое пособие по истории империализма и его кризиса.

Для И.А.Витвера практически единственным близким по духу образцом учебника по экономической географии мог быть лишь краткий курс “Экономической географии СССР” Н.Н.Баранского, вышедший в 1933 г. пятым изданием. С одной стороны, этот учебник, написанный широко известным революционером-большевиком, не мог быть обвинен в аполитичности, ибо давал географию в тесной связи с марксистско-ленинской теорией, с политикой партии (не подменяя, однако, географию политикой!). С другой стороны, именно этот учебник и его автор возглавили борьбу за “географическую специфику”, за подход к этой науке через поиск закономерностей размещения производительных сил, пространственного сочетания и соотношения Хозяйственных явлений. Именно в этом учебнике впервые весомо, аргументированно и органично

прозвучал мотив обязательного учета природных условий и ресурсов. Именно Баранский всемерно ратовал за внедрение карты в учебники экономгеографии как неотъемлемой части их текста.

Все это, конечно, не значило, что Иван Александрович мог в чем-то прямо подражать своему старшему другу. Слишком разными были и объекты изучения, и задачи. Видел он и существенные недостатки учебника, дисбалансы его структуры, вызванные увлечениями Баранского. Они не раз были предметом обсуждения двух ученых. Да и сам Баранский уже достаточно “вырос” из своего первого учебника и ощущал острую необходимость совсем по-новому отразить и бурно протекавший процесс индустриализации, и проблемы коллективизированного сельского хозяйства, и формирование экономических районов СССР. Именно поэтому в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) он горячо взялся за подготовку нового учебника.

Между тем обстановка вокруг направлений развития экономической географии и после выхода упомянутого постановления не только не прояснилась, но, пожалуй, еще более обострилась. В жизни Ивана Александровича с этим, в частности, был связан эпизод, который он не любил вспоминать: его пытались столкнуть с Баранским и “прописать” в противоположном лагере.

Все произошло в связи с тем, что существовавший тогда Научно-исследовательский критико-библиографический институт выпустил в свет в конце 1934 г. сборник рецензий: “Обзор учебной литературы по географии за период 1926-1931 гг.” В сборнике был проведен четкий водораздел между “географами-марксистами”, к числу которых была отнесена и бригада ленинградских аспирантов, и “немарксистами”, возглавлял которых... Н.Н.Баранский. Если “марксистов” рецензент слегка журил за некоторую “небрежность” и “непродуманность” и целиком поддерживал их “линию”, то на Н.Н.Баранского обрушивался как на представителя “буржуазной хорологической науки”, чьи работы якобы состоят из сплошной цепи “вреднейших ошибок”. Совершенно не разделявший подобных взглядов И.А.Витвер попал при этом в чрезвычайно неловкое положение: вслед за разгромной статьей о Н.Н.Баранском шла весьма хвалебная рецензия на его “Южную Америку” и “Карибские страны”, а в приложении к сборнику была напечатана статья И.А. Витвера “Картографическое иллюстрирование учебников, изданных Учгизом в 1933 г.” Получалось так, будто И.А. Витвер не только знал о сборнике и его содержании, но и участвовал в его выпуске, а следовательно, разделял его основные положения.

На деле Иван Александрович не имел к этому никакого отношения. Добросовестно сделав по просьбе НИКБИ обзор картографических иллюстраций к учебникам, передал его в институт, не зная, когда и где он будет опубликован. А дальше — летний отпуск, поручения по учебнику, и он забыл о своей рецензии, не проследил дальнейшее развитие ее судьбы, чем и воспользовались организаторы этой “акции”. Возмущению и огорчению Ивана Александровича не было предела. Но Баранский не поверил своим неразборчивым в средствах противникам. А через несколько дней И.А.Витвер принес Н.Н.Баранскому для “Географии в школе» свою статью “Дезориентирующие рецензии” — смелую, сильную, резкую (она была опубликована в № 4 за 1935 год). Это был не просто разгром автора пасквильного сборника и защита методологических позиций Н.Н.Баранского, но и собственное кредо, самого И.А.Витвера, которого он придерживался при написании своего учебника. В конце рецензии на сборник рецензий Иван Александрович отмежевался от похвал рецензента в свой адрес: “Я даже думаю, что ряд серьезных недочетов моих работ ускользнул от автора и редакторов рецензий, что и понятно, так как среди них нет, насколько мне известно, ни одного лица, работающего по тем вопросам, которым посвящены мои книжки”. Заметив мимоходом к сведению рецензента его работ, что Куба отнюдь не принадлежит, как тот думает, к бассейну Тихого океана, Иван Александрович заканчивает: “Помещение моей статьи в данном сборнике, хотя бы и в виде приложения, мне неприятно”. С тех пор эту свою статью (кстати, очень интересную, полную глубоких и полезных мыслей) Иван Александрович считал несуществующей. Когда библиотекары отдела университетской библиотеки на геофаке решили к 40-летию Октябрьской революции выпустить список опубликованных работ сотрудников факультета и дали на просмотр И.А.Витверу составленный ими список его трудов, он решительно вычеркнул из него статью “Картографическое иллюстрирование учебников...”.

В создание учебника Иван Александрович Вложил титанический труд и всю свою душу. После выхода в свет первого издания он, с присущей ему скромностью, скажет: “Составление учебника было для меня не просто очередной литературной работой, но целым этапом моего жизненного пути”. Эта книга стала воплощением всех его человеческих качеств. Прежде всего, это была выработка строгой и ясной системы, которой нужно было неукоснительно следовать при написании учебника. Он не только разрабатывает ее, но и немедленно отдает на суд широкой географической общественности. Несмотря на крайнюю перегрузку, в 1934 г. И.А.Витвер публикует в “Географии в школе” статью об отборе критериев для экономико-географической характеристики

капиталистических стран (№ 1), затем свой развернутый план написания учебника (“Об учебнике экономгеографии капиталистических стран для 9-го класса”, № 2), выступает на I Всесоюзном географическом съезде с фундаментальным докладом “Проблема экономического картирования капиталистических стран”.

Сложившаяся концепция учебника исходила из следующих осознанных автором условий и задач: — полностью вызревших представлений об экономической географии как науке;

— необходимости внести максимально возможный вклад в географическое образование школьника представлением современной ему картины мира (в 9-м классе в соответствии с утвержденными учебными Планами завершился курс географических дисциплин в средней школе);

— стремления дать учащемуся через географию понимание мировой политики, внести вклад в воспитание патриотизма и интернационализма;

— отсутствия “подстилающих” для данного курса дисциплин или учебников, которые облегчили бы понимание формирования современного мира, типов стран, их особенностей и т.п. (не только начал полит-экономики, но даже новой и новейшей истории);

— императива крайне ограниченного времени на весь курс, а следовательно, и жестко лимитированного объема учебника.

Большую проблему составил отбор материала. В учебник не должно было попасть ничего лишнего, необязательного, не работающего на цели и задачи. Но тем более нельзя было упустить что-то важное, нужное. Уже один только отбор стран для изучения школьником представлял немалые трудности, а уровень и объем подачи каждой из них — еще большие. Еще со времен работы в издательстве “Советская энциклопедия” и особенно во время работы над учебником — не только над первым изданием, а на протяжении всех 20 лет — у Ивана Александровича выработался, стал частью его природы принцип *sine qua non*: Писать только то, без чего нельзя обойтись, что назрело и нужно, не писать ничего “для галочки”, ради объема и числа печатных работ.

В ходе работы над учебником окончательно сложился и очень своеобразный, безошибочно узнаваемый “витверовский стиль”: литературно-безупречный, по смыслу ясный и точный, не допускающий ни наукообразного тумана с иностранноподобной тарабарщиной (а ведь в учебнике о зарубежных странах этим можно было бы и “блеснуть — Витвер хорошо знал несколько языков), ни гипербол и метафор. Лаконичный (ничего лишнего, каждое слово продумано и служит), понятный, доступный для запоминания язык

Витвера некоторые считали сухим и академическим. На деле Иван Александрович никогда не допускал у себя и не терпел у других топорных фраз, густо пересыпанных мало что говорящими таблицами и цифрами. Но еще больше не терпел он пустопорожнего “многоглаголанья”, “болтовни”, как не раз оценивал он некоторые работы и выступления. Витверовский текст был строго логичен, последователен, ярок и запоминаем создаваемыми образами тех процессов, явлений, стран, районов, которые должны были “дойти” до читателя. Сокращать, исправлять, улучшать витверовский текст было тяжело. К тому же, он очень не любил, когда его редактировали другие. О языке И.А.Витвера Н.Н.Баранский сказал: “Слов мало, а содержания много”.

В ходе написания учебника немало сил отняла борьба за сроки сдачи рукописи и за ее объем. В назначенный срок — 1 января 1935 г. — Иван Александрович явно не укладывался: объем работы был слишком большой, притом при его добросовестности пришлось посвятить по целому месяцу на каждую из крупных стран, которые он до того досконально не изучал — США, Китай, Францию. Уже в ноябре-декабре 1934 г. Иван Александрович бомбардирует письмами Наркомпрос и Учпедгиз с просьбой перенести срок сдачи на конец марта 1935 г. Он аргументирует: от насильственного ограничения сроков пострадает качество учебника, между тем как новые мощные ротационные машины ленинградской типографии могут отпечатать весь тираж (225 тыс. экз.) всего за 6 дней. Но у “инстанций” — своя аргументация: по Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) учебник должен быть выпущен к июню 1935 г. и распространен по школам Советского союза к новому учебному году, учителям необходимо успеть овладеть совершенно новым курсом. А ведь рукопись еще должна быть обсуждена и одобрена Наркомпросом, после этого доработана и затем передана в издательство на определенный срок, предусмотренный нормами. Окончательный приговор”: полностью готовая рукопись должна быть сдана не позже конца января 1935 г. а обсуждение учебника в Наркомпросе состоялось в конце февраля. В целом Книга понравилась, хотя было сделано и немало замечаний, большинство которых шло по линии того, чего в учебнике, с точки зрения рецензентов, недоставало, что следовало бы добавить. Однако главной проблемой являлся объем: вместо отведенных учебнику 25 листов автор представил более 30. Иван Александрович сражался как лев, настаивая, что такой сложный курс нельзя вместить в 80 часов и 25 листов. Но потом сдался и спросил, что предлагается снять. Если речь идет о слишком большом объеме историко-географического введения и формирования политической карты мира, то Н.Н.Баранский, один из главных рецензентов, наоборот, настаивает на их некотором расширении, учитывая

отсутствие "подстилающих" дисциплин. Если снять какие-нибудь страны, то они уже включены в одобренную программу. В результате дискуссии резервы практически обнаружены не были, и объем был утвержден в 29 листов.

А дальше на смену напряжению пришла самая настоящая гонка. Издание учебника было поручено Ленинградскому отделению Учпедгиза. Иван Александрович вместе с Еленой Сергеевной на несколько месяцев перебирается в одну из ленинградских гостиниц. Почти круглые сутки горит лампа на его письменном столе в полутемном номере. Прямо отсюда окончательно доделанные и отшлифованные главы по мере готовности уходят в издательство. Последняя из них еще не была готова, когда начали поступать первые листы гранок. И все переживания заново — за каждое слово, каждую строку, каждую страницу.

Верстку учебника Иван Александрович получил уже в июне, после возвращения в Москву. И пришел в ужас, причем не столько от количества опечаток, сколько от качества печати, прежде всего от качества карт и фотографий. Каждую порцию выправленной верстки он сопровождает настойчивым, категоричным письмом директору ленинградского отделения Учпедгиза Каштеляну, требуя принять меры для исправления дефектов. Но все оказалось не так просто. Опыта подготовки к печати таких книг у издательства нет, бумага не соответствует требованиям для печати рисунков и карт, техника изготовления клише примитивна, времени для переделок не остается. Директор Учпедгиза, не только хорошо понимающий ответственность заказа, но и проникшийся за время совместной работы большим личным дружеским расположением к Ивану Александровичу, делает все от него зависящее, чтобы свести дефекты к минимуму: делает выдирки и вклейки в части тиража, дает список опечаток, снабжает весь тираж коленкоровым переплетом.

В начале августа 1935 г. Иван Александрович держит в руках пахнущий свежей типографской краской авторский экземпляр учебника. Книга начинает свою собственную более чем двадцатилетнюю жизнь.

Путь, пройденный главной книгой И.А.Витвера в течение ее 16 изданий, был не простым. Менялся мир, менялась политика, притом нередко очень круто. И самому автору подчас нелегко было адаптироваться к крутым виражам, а книга, вдобавок, жила своей собственной жизнью и сопротивлялась, сколько могла, изменениям от издания к изданию. Ведь учебник назывался "стабильным" и стало быть не подлежал сколько-нибудь крупным изменениям от года к году, за чем очень ревностно следил Наркомпрос. А у издательства были по этому поводу и свои, в том числе и меркантильные, соображения: если новый текст достигал 25% объема книги, автору полагалось выплачивать гонорар как за новую книгу. К

тому же при каждом новом издании неизменно вставал вопрос о сокращении и упрощении учебника.

Для Ивана Александровича каждое новое издание было очередным раундом нелегкой борьбы, требовавшей большого напряжения всех духовных и физических сил. Теперь уже никто не освобождал его на время работы над очередным изданием от всех его многочисленных обязанностей. Работать приходилось урывками, ночами, за счет сна и отдыха. А внедрять результаты этих “бдений” в текст учебника оказывалось делом чрезвычайно сложным. Иногда у Ивана Александровича опускались руки, в душе поднималась горячая волна протеста и он несколько раз был близок к тому, чтобы бросить работу над учебником, прекратить его издание.

Особенно тяжелый кризис пережил Иван Александрович в 1948 г. В международных отношениях это был период вспыхнувшей с новой силой конфронтации между двумя мировыми системами, между СССР и США. Пышному расцвету маккартизма и господству братьев Даллесов в заокеанской сверхдержаве полностью соответствовал очередной приступ “охоты на ведьм” в нашей стране. Наряду с “разоблачением” разного рода “тайных агентов”, “вейсманистов-морганистов” и т.п. в печати, Академии, вузах, широко развернулась кампания борьбы с “низкопоклонством перед иностранщиной”, за восстановление и утверждение “русского приоритета” в мировой науке, технике, культуре. В этой кампании было немало карикатурного, гротескного, искусственного. Мы, тогдашние студенты, изобрели для себя девиз-приветствие: “Россия — родина слонов!” (на манер “Deutschland — über alles!”). Но тем, кто становился объектом быстро раздуваемой травли недобросовестных людей, делавших на этом карьеру, — тем было не до смеха.

16 июня 1948 г. в “Правде” появился подвал “Ошибки в учебниках географии” за никому в географическом мире неизвестной подписью “Н.Лазарев”. Автор сначала обрушивался на Н.Н.Баранского за то, что тот якобы игнорирует “великий сталинский план преобразования природы” и подрывает патриотическое воспитание школьников тем, что практически не пропагандирует приоритеты русских путешественников, умельцев-механиков и т.д. Основная часть статьи была посвящена учебнику Витвера, который, как оказалось, состоял из сплошных ошибок, начиная уже с названия. Как можно называть учебник “Экономическая география капиталистических стран”, если теперь уже общепризнанно, что возникшие в Восточной Европе страны народной демократии порвали с капитализмом навсегда? Дальше еще тяжелей: И.А. **Витвер не разъясняет школьникам, что такое современный империализм и кто является его самым агрессивным лидером, он не**

оставляет у школьников убежденности в том, что Аляска — исконно русская земля, что значительная часть Калифорнии была открыта русскими и принадлежала России, на протяжении всего учебника он не находит места для утверждения русских приоритетов на изобретения и открытия и т.д.

Статья была самым настоящим политическим доносом. Недобросовестность ее автора была заведомой, прежде всего потому, что он рецензировал 8-е издание учебника буквально накануне выхода в свет 9-го, о чем и редакция газеты и автор статьи могли и должны были справиться в Учпедгизе. Восьмое издание Иван Александрович корректировал фактически в 1946 г., когда еще предстоящее социалистическое будущее восточно-европейских стран отнюдь не пропагандировалось, когда еще продолжала жить инерция союзнических отношений СССР с США, Англией и Францией, когда еще не был отменен введенный в учебники в 1941-1942 гг. запрет как на термины “Коминтерн”, “рабочее движение”, “положение пролетариата”, так и на термины “империализм”, “эксплуатация”, “угнетение”. Витвер очень тщательно следил за происходящими в нашей стране и во всем мире событиями, процессами, тенденциями, постоянно и скрупулезно собирал досье для своего учебника, записывал идеи, формулировки, цифры. Поэтому он хорошо понимал важность и масштабы перемен, происходивших в мире в результате второй мировой войны. Уже и перед восьмым изданием, а перед девятым в особенности, Иван Александрович настаивает на необходимости коренной переработки учебника. Но Наркомпрос (потом Министерство просвещения) и Учпедгиз в целях сохранения “стабильности” учебника разрешают только “косметический ремонт”. Однако и в этих условиях И.А.Витвер задолго до статьи в “Правде исправил в девятом издании большинство “ошибок”, которые узрел рецензент в восьмом издании.

Иван Александрович ответил в “Правду” немедленно, как и полагалось в то время. Но не покаянным письмом, как обычно было принято, а энергичным объяснением происхождения ”ошибок” и приложением верстки девятого издания учебника. Согласившись с тем, что ”политическая заостренность” интерпретации зарубежного мира в издании 1947 г. “недостаточна с точки зрения требований партии в 1948 году”, Иван Александрович, человек крайне добросовестный, тщательный до скрупулезности, начисто отменил попытку автора рецензии обвинить его в “фактических ошибках”: “Один из абзацев своей рецензии Н.Лазарев начинает многообещающим введением: “Нет надобности перечислять все теоретические и фактические ошибки в рецензируемых учебниках, достаточно указать на некоторые из них, чтобы стало ясным, насколько эти пособия отстали

от современной экономической и политической жизни зарубежных стран”. Но где же примеры таких фактических ошибок, из которых станет ясно, и т.д.? Позволю себе отметить, что автор не привел ни одной настоящей ошибки, которая оправдала бы его обещание”. И все-таки заканчивал письмо глубоко и незаслуженно обиженный человек, очень уставший от долгих лет борьбы с “околопросвещенческой бюрократией” и ее “установками”: “Принципиальные положения, выдвинутые в статье “Правды”, послужат для меня и моих товарищей по специальности важным стимулом для подъема нашей работы на более высокую ступень... Должен, однако, еще раз подчеркнуть необходимость создания нового учебника, а еще лучше — новых учебников с привлечением новых авторских сил, которые несомненно выросли за время, прошедшее после постановления партии и правительства о преподавании географии от 16. V.1934 г. ”

Копию письма Иван Александрович направил в Учпедгиз, и к ней была приложена официальная просьба освободить его впредь от работы над учебником. Напуганные статьей в “Правде” издатели в свою очередь ответили газете, что, дескать, “недоглядели”, “недоучли” и принимают срочные меры для создания новых, более совершенных учебников, объявляют для этого открытый конкурс.

Затем начались “обсуждения”. В ту пору, когда “сигнал” в центральной газете рассматривался как “ату его!”, подобные “обсуждения” нередко превращали в самые настоящие суды Линча. Но на этот раз предусмотренное “сценарием” линчевание не удалось. На организованном Учпедгизом в августе 1948 г., вскоре после выхода в свет девятого издания, обсуждении учебника в связи со статьей в “Правде” жестко атаковавшие Витвера приглашенные оппоненты не получили поддержки большинства. Отмечая отдельные недостатки учебника, выступающие один за другим говорили, что девятое издание достаточно правильно отражает современную экономическую и политическую географию мира и дает самый свежий послевоенный материал, что учебник написан ярко и доступно, что он заслуживает высокой оценки. Руководители Учпедгиза в душе, видимо, обрадовались такому повороту дела: они получали шанс реабилитировать и самих себя, да и к Ивану Александровичу невозможно было относиться плохо после стольких лет сотрудничества. Был конечно большой риск, что полетят учпедгизовские головы, не сумевшие покончить с “вредительством в географии”, тем не менее на имя министра просвещения РСФСР было направлено решение совещания: в связи с тем, что даже возможные позитивные результаты объявленного конкурса на новый учебник не могут обеспечить его издание к началу 1949/50 учебного года, просить Министра разрешить

выпустить еще одно издание учебника И.А.Витвера, просить И.А. Витвера продолжить работу по совершенствованию учебника и учесть замечания, высказанные в статье "Правды" и участниками совещания.

А.А.Вознесенский **б**, человек неординарный, культурный и достаточно смелый, разобрался во всем лично и согласился с решением совещания в Учпедгизе, установив лишь сроки сдачи в печать переработанного нового издания И.А. Витвером к 1 января 1949 г. и представления новых конкурсных учебников к 1 августа 1949 г.

б А.А.Вознесенский, министр просвещения РСФСР, до того — ректор Ленинградского, университета, брат Н.А.Вознесенского, был арестован в сентябре 1949 г. и затем расстрелян.

Следующее обсуждение витверовского учебника и статьи в "Правде" было организовано Академией педагогических наук в конце сентября 1948 г. Официальный доклад подготовили две сотрудницы сектора географии Института методов обучения АПН — авторы программ по курсу экономической географии зарубежных стран для средней школы. Надо сказать, что программы в то время жили своей, отдельной от учебников, жизнью, исправления в них вносились гораздо позже, чем в учебник, и с позиций определенного диктата сверху: "надо, есть мнение". Экзаменационные билеты составлялись не по учебнику, а по программе. Учителя были очень недовольны этим, подрывало это и статус учебника. Между учебником и программами шла своего рода негласная война. Вот и теперь, придя на совещание, Иван Александрович впервые увидел программу своего курса на текущий учебный год (хотя учебник на этот год был подписан в печать в марте) и обнаружил существенные расхождения между программой и учебником.

С учетом уже принятого Министром решения доклад был сравнительно сбалансированным.

А дальше все пошло уже не так сбалансированно. И московские географы, и собравшиеся не только из столичных школ, но из других городов учителя географии фактически выступили единым фронтом в защиту учебника. Были, конечно, и пожелания — преимущественно по линии того, что надо добавить в до предела сокращенный текст (в 9-м издании было около 20 п.л.). Но главным мотивом стала высокая оценка работы И.А.Витвера, желание не потерять ее, а совершенствовать дальше.

Иван Александрович очень тщательно готовился к этому обсуждению. Он очень рассчитывал услышать на нем весьма квалифицированные мнения коллег и, что было для него особенно важно, мнения многих опытных учителей. С тех пор, как он фактически

согласился довести учебник до 10-го издания, он уже думал непрерывно не о рецензии в “Правде”, а о том, что действительно нужно для улучшения книги. Нет, он не передумал закончить свою работу над учебником, но, что греха таить, раз уж он взялся за еще одно издание, он должен показать всем, что сам еще далеко не вышел в тираж. Когда в конце совещания Ивану Александровичу предоставили слово, практически все свое выступление он посвятил ответам на замечания докладчика и выступавших и аргументации уже созревшего у него плана переработки учебника. Но все же начал он и закончил тем, что за эти месяцы выстрадал: "Я с большой надеждой смотрю на конкурс в Учпедгизе, который, надеюсь, найдет свежие силы, может быть, с более зорким и острым взглядом на современную действительность, может быть, с более ярким умением и отразит эту остроту, так как недостаток остроты, зоркости был выдвинут в качестве одного из основных недостатков моего учебника уважаемой тов. докладчицей... "

“В заключение я вернулся бы к тому, с чего начал. По-моему, товарищи, время создавать новые учебники и новыми силами. Я говорю это совершенно добросовестно. Один из выступавших товарищей сказал, что мой учебник создал что-то новое и т.д. В 30-х годах я считал, что мой учебник дал известное движение вперед, но у нас время динамичное, и мне кажется, что сейчас до известной степени нужны новые силы для этого. Я не откажусь работать над новым изданием, но мое искреннее желание — для пользы дела, не только для того, чтобы облегчить свое положение, — нужны новые силы, и, может быть, несколько меньше загруженные другими делами, потому что работа над учебником у меня сейчас складывается в качестве ночной работы и урывками. И это не может не отразиться на цельности и стройности учебника”.

Когда председательствовавший поднялся для заключительного слова, к трибуне решительно пошла учительница Лаговская: “Прошу слово для реплики!” Она взволнованно и сильно, с отработанным педагогической практикой металлом в голосе, обратилась прямо к автору учебника: “Мне не понравились начало и конец Вашего выступления, Иван Александрович. Рано хотите сдавать позиции молодым силам с острыми глазами. Говорят, к старости люди становятся более зоркими, а зрелый ум далеко видит. Учителя считают Ваш учебник хорошим и ученики Ваш учебник любят. И то, что Вы здесь слышали, и то, что печаталось в “Правде”, это, может быть, те вопросы, которые с болью переживаются. Но все это идет на пользу Вашему учебнику, и наше желание — видеть Ваш учебник еще лучшим. Для этого позиций сдавать не нужно, а следует поработать над учебником. Это наше общее желание!” (Аплодисменты)”.

Иван Александрович потом вспоминал, что это сентябрьское обсуждение 1948 г. стало для него мощной "тонизирующей инъекцией", после которой наступила настоящая "болдинская осень". Товарищи по кафедре старались максимально разгрузить его, всячески помочь материалами. Он работал настойчиво, систематично, ночами напролет, забывая о сне и еде, возвращаясь по несколько раз к уже, казалось, отработанным главам. В начале января 1949 г. рукопись была передана в Учпедгиз. В ней осталось не более трети текста предыдущего издания, но на сей раз конфликта с Издательством это не вызвало, так же, как и снова несколько превышенный (на 1,5 листа) объем.

Десятое издание учебника вызвало широкую волну одобрения со стороны учителей и научной географической общественности. Автору этих строк не удалось найти в архивах Министерства просвещения РСФСР, чем кончился объявленный в 1948 г. конкурс на новый учебник, были ли представлены на него альтернативные рукописи, но план выпуска Учпедгизом одиннадцатого издания учебника И.А.Витвера в 1950 г. был утвержден Минпросом в апреле 1949 г.

Кульминацией эпопеи учебника стало его одиннадцатое издание. Именно оно получило неслыханно высокую по тем временам оценку. Когда Совет Министров СССР принял решение о возможности выдвижения на официальные государственные (тогда — сталинские) премии учебников, первыми двумя учебниками, прошедшими через все "сита" голосований и через цензуру самого Верховного, стали "Экономическая география СССР" Н.Н. Баранского и "Экономическая география зарубежных стран" И.А.Витвера. В географии это была большая победа школы Баранского — Витвера. В педагогике это была победа вдвойне: учебники по самой, казалось бы, "конъюнктурно-уязвимой" дисциплине явились самыми живучими, самыми "стабильными". Ко времени их выдвижения на премию оказалось, что никакой другой учебник не переиздавался в течение 15 лет подряд. Премия была важна и тем, что открывала новые перспективы для дальнейшей жизни учебника.

КАФЕДРА, РАБОТА, ЛЮДИ

С 1933 г. жизнь Ивана Александровича Витвера неразрывно связана с Московским университетом. Вступает он в коллектив почвенно-географического факультета в качестве доцента кафедры экономической географии с уже готовым курсом по странам Латинской Америки, с веским багажом двухтомника по этим странам. Но заведующий кафедрой Н.Н.Баранский с самого начала ориентирует И.А. Витвера на то, что он должен отвечать за организацию всего цикла по зарубежным странам. Через месяц приказом по факультету он оформляется заведующим кабинетом зарубежных стран при кафедре экономической

географии. В действительности никакого кабинета не было, вся кафедра ютилась в небольшой комнате в красном кирпичном здании, встроенном в глубине двора в архитектурную кашу, примыкавшую к ансамблю Университета на Моховой. В темном углу комнаты Иван Александрович получил в свое распоряжение маленький столик, отгороженный шкафом, в который он тщательно собрал все то небольшое, что было на кафедре по зарубежным странам.

Прошло еще два месяца, и Н.Н.Баранский с большим энтузиазмом обсуждал на кафедре, с привлечением ряда внеуниверситетских специалистов, представленный И.А.Витвером развернутый план изучения зарубежных стран на факультете. План, хотя и вызвал некоторую критику с точки зрения его реальности, в целом очень понравился. Он вписывался в Планы самого Баранского расширить плацдарм экономической географии на почвенно-географическом факультете и превратить его наконец в географический. Баранский незамедлительно “двинул наверх” записку о том, что вполне назрел вопрос о выделении из его кафедры самостоятельной кафедры экономической и политической географии капиталистических стран.

Время было трудное — и в стране, и в университете и в географии. Работали комиссии ЦК ВКП(б) по перестройке преподавания географии в средней и высшей школе. Шла борьба между физикогеографами и экономикогеографами, а внутри последних — между “отраслевиками” и “районщиками”. Но, как это не удивительно, даже в этой обстановке совет факультета подавляющим большинством голосов поддержал постановку вопроса в докладе Н.Н.Баранского и выступлении И.А.Витвера. А когда вышло в свет постановление о преподавании географии в школе, в котором были столь недвусмысленно поддержаны научные позиции Баранского и Витвера и где они упоминались персонально, дело о создании новой кафедры получило ход и в ректорате, и в Комитете по делам высшей школы.

16 ноября 1934 г. ректор Московского государственного университета подписал приказ о создании на почвенно-географическом факультете кафедры экономической и политической географии капиталистических стран и о назначении заведующим кафедрой доцента И.А.Витвера. С тех пор этот день вписан в историю кафедры. О нем помнят не только “кафедряне”, но и питомцы кафедры, ее бывшие аспиранты, о нем быстро узнают студенты, попадающие на кафедральную специализацию. Как правило, к этому дню приурочивают кафедральные вечера, на которых в неофициальной обстановке, за чашкой чая встречаются все преподаватели, научные сотрудники и студенты. На таких вечерах

происходит традиционный обряд посвящения” второкурсников в студенты кафедры, в “экономзарубежники” или даже в “капиталисты”. Пятикурсники делятся с новенькими своим опытом и сами получают “благословение” на диплом, на выход в жизнь. Приходят на такие вечера и выпускники прошлых лет. На таких вечерах всегда вспоминают добрым словом основателя кафедры Ивана Александровича Витвера.

Фактически Иван Александрович полностью вступил в исполнение обязанностей заведующего кафедрой только после того, как рукопись первого издания учебника была сдана в издательство — в апреле 1935 г. Заведывание кафедрой и выход в свет стабильного учебника для средней школы существенно изменили статус Витвера в университете, и в ноябре 1935 г. ученый совет факультета, а затем и Университета присвоили ему ученое звание профессора.

Почти четыре года Витвер был единственным штатным сотрудником своей кафедры — не было ни подходящих кадров, ни нужных для начала ставок. Организацию цикла лекций и семинаров по капиталистическим странам приходилось осуществлять за счет привлечения преподавателей с кафедры экономгеографии СССР (теперь она называлась так) — самого Н.Н.Баранского, который читал лекции по США, и М.Г.Кадека, а также почасовиков — И.П.Магидовича, Л.Я.Зимана.

Дело пошло существенно лучше и появились какие-то реальные возможности после того, как факультет в 1938 г. превратился наконец в чисто географический. В 1938 г. окончил аспирантуру один из первых университетских учеников Витвера — Петр Иванович Глушаков, который был зачислен на кафедру. В 1939 г. он защитил кандидатскую диссертацию “Послеверсальская Польша” ⁷, но вынужден был в связи с потребностями кафедры заниматься одновременно и изучением Китая. В том же 1938 г. Иван Александрович “перетасил” к себе на кафедру Иосифа Петровича Магидовича — прекрасного, эрудированного лектора, который хорошо зарекомендовал себя во время чтения почасовых курсов. У него были широкие интересы — от Испании и Португалии до Японии, от демографии до этнографии. С довоенного времени работает на кафедре Нина Ливерьевна Осипова — очень разносторонний и, главное, организованный человек, ставший большой опорой и другом И.А. Витвера не только на кафедре, но и во всех его делах.

⁷ В диссертации П.И.Глушакова, выполненной под руководством И.А.Витвера, проводилось, в частности, одно исследование, которое использовало в 1939 г. наше правительство: на основании ценза были определены границы районов Западной Украины

и Западной Белоруссии по принципу Выделения населенных пунктов с православными церквями, В отличие от католических костелов.

В 1938 г. произошло еще одно важное событие в жизни И.А.Витвера — ученый совет географического факультета единогласно решил присудить ему степень доктора географических наук за его учебник, без представления и защиты диссертации. Это случилось без всякого вмешательства самого Ивана Александровича, по инициативе нескольких членов ученого совета, среди которых был, конечно, и Н.Н.Баранский. Тем более важным и стимулирующим явилось такое признание коллег для еще молодого профессора. Именно эту дату называл обычно Иван Александрович, когда он почувствовал себя навсегда неотъемлемой частью географического факультета.

Предвоенные годы работы на кафедре были для Витвера очень напряженными. Начав свой университетский путь с издания лекций по экономической географии Латинской Америки, расширив затем сферу интересов до всего мира во время работы над учебником, он затем концентрирует внимание на Германии и Центральной Европе. В этом районе земного шара назревают грозные события. После прихода Гитлера к власти начинается стремительная гонка Германии к “мировому господству”. На западе и востоке еще далеко не все понимают, как будут разворачиваться стратегические планы фашистской военной машины. Даладье и Чемберлен рассчитывают “подправить” быстро нарастающий потенциал германской агрессии на восток, в сторону Советского Союза. Сталин же в своих расчетах не хочет исключать надежды на обратное, на то, что противостоящие в Западной Европе силы надолго увязнут в “межимпериалистическом антагонизме” и истощат друг друга, что позволит нашей стране не только не присоединяться ни к одной из сторон и “отсидеться за пределами европейского конфликта, но и, получив компенсацию за свой “нейтралитет”, успеть создать неодолимый военный потенциал.

Похоже, что московский географ И.А.Витвер задолго до “аншлюсса” Австрии, мюнхенского сговора и оккупации Чехословакии прозорливо предвидел ход событий в Европе. По его инициативе в 1937 г. осуществляется перевод капитального **труда Э.Мартонна “Центральная Европа”**. Книга выходит в свет в 1938 г. с крупным — на 70 страниц — послесловием И.А. Витвера. В нем не только обзор хозяйства и населения Германии, рвущейся к созданию “тысячелетнего третьего рейха”, но и специальный раздел “Фашистская Германия — главный поджигатель войны в Европе”. В 1939 г. в издательстве МГУ появляется его новая работа — “Экономическая география Германии”. И.А.Витвер

снова бьет тревогу, подчеркивает быстрый рост военной экономики, растущие территориальные притязания “райха”.

В эти же годы И.А.Витвер трудится над выработкой советской методологии изучения экономической географии капиталистических стран. На кафедре проходит ряд интересных дискуссий, в которых, кроме ее членов, принимают участие аспиранты, сотрудники НИИ географии при МГУ, приглашенные. Один из постоянных участников этих дискуссий — Л.Я.Зиман настойчиво предлагает положить в основу разработки такой методологии изучение работ В.И.Ленина. И.А.Витвер мягко, но не менее настойчиво возражает: “Работы Ленина очень ценны, их каждый из нас должен иметь в виду, но он не был географом, не ставил перед собой никогда специфически географических задач. Поэтому нам нужно прежде всего изучить, применяя критерии марксизма-ленинизма, все то, что до нас создала мировая географическая наука, оценить все ее самые большие достижения и слабые места”. Сам Иван Александрович берет на себя труд изучить главную, наиболее влиятельную в мировой экономической и социальной географии школу — французскую школу географии человека. В 1940 г. под редакцией И.А.Витвера вышел из печати кафедральный сборник (35-й выпуск “Ученых записок МГУ”), посвященный в основном критической оценке достижений французской, американской и английской географии. Опубликованная в этом сборнике большая статья И.А.Витвера “Французская школа географии человека” — одна из блестящих его теоретических работ, образец аналитической истории общественной географии, развивавшейся в тесной функциональной связи и зависимости от истории самого общества.

В 1933—1941 гг. И.А.Витвером были созданы его основные университетские лекционные курсы по регионам и странам — Латинской Америке, Германии, Франции, Великобритании и Британской империи, Северной и Западной Африке. Почти все эти курсы были опубликованы и до сих пор не только представляют историко-географический интерес, но и являются прекрасными примерами педагогической литературы. Особое место принадлежит глобальному курсу введения в экономическую и политическую географию капиталистического мира, который Иван Александрович начал читать в 1936 г., расширяя и углубляя его год от года. Идея этого курса родилась у него в результате обдумывания замечаний Н.Н.Баранского по поводу введения в его учебник. Там из-за чрезвычайной краткости курса и недостаточной подготовленности школьников нельзя было объяснить, как хотелось бы, закономерности и особенности процесса формирования географии мирового хозяйства, образования различных типов стран, политической карты мира. Для

своего школьного учебника он собрал, между тем, очень большой и интересный материал, который сам просился в лекции.

Лекции Ивана Александровича были всегда тщательно продуманы, методически отточены, насыщены большим, постоянно обновляемым материалом. Его лекторский стиль не блистал внешней броскостью, как, скажем, у того же Н.Н.Баранского. В отличие от некоторых других известных на геофаке профессоров, стремившихся к шумному успеху своих лекций, он не посещал уроки дикции и красноречия в студии Малого театра, не умел, как он говорил, “выводить рулады”, брать слушателей эмоциями. Он обычно начинал тихим, спокойным голосом — и студенты сразу смолкали, чтобы не пропустить что-то важное: было хорошо известно, что Иван Александрович не терпит ничего не содержащих “введений”, не дает себе времени “на раскрутку”, а сразу переходит к делу, к существу темы. По мере того, как лекция развивалась и Иван Александрович увлекался, он нередко прикрывал глаза — и нам, студентам, казалось, что в эти мгновения он своим ярким внутренним зрением видит тот район или город, который описывает. Лекции Витвера покоряли своей глубокой интеллигентностью, высокой культурой и профессионализмом, своей умной простотой и строгой логичностью. И вместе с тем в них всегда находили место и тонкий юмор, и метко сказанное, надолго запоминавшееся слово. Студенты и аспиранты высоко ценили и любили лекции Витвера.

И.А. Витвер быстро завоевал симпатии и признание своих коллег, стал одним из ведущих профессоров университета. В 1939 г. он утверждается членом ученого совета университета. В 1940 г., когда решили отметить 185-летие Московского университета, И.А. Витвер был награжден орденом Знак Почета. В то время это еще было большой редкостью (из многотысячного коллектива ордена и медали получили лишь 37 человек). Для Ивана Александровича, имевшего по тогдашним критериям крупные дефекты в анкете (беспартийный, из дворян, бывший швейцарский подданный), орден стал не столько стимулом (он и без того работал на пределе своих возможностей), сколько “видом на жизнь”, какой-то гарантией того, что он пока не значится в других списках.

В этом смысле было важно и то, что его пригласили читать лекции на Ленинских курсах при ЦК ВКП(б). Весною 1941 г. вышли в свет лекции, прочитанные И.А.Витвером на этих курсах: Общий обзор политической карты мира, Великобритания, Британская империя, Германия. Как всегда, тщательно продуманные в ориентации на аудиторию, четкие, лаконичные, выверенные. Одновременно он читает лекции по экономической и

политической географии главных капиталистических стран на курсах армейских и дивизионных политработников при Военно-политической академии.

Вторжение немецко-фашистских полчищ в нашу страну круто изменило жизнь всего народа. Выпускники университета после защиты дипломов шли в военкоматы. В течение трех месяцев досрочно был выпущен и четвертый курс. С остальными курсами надо было проводить занятия, что оказалось не так просто. Студенты и преподаватели неделями напролет строили оборонительные сооружения под Москвой, дежурили на крышах университетских зданий, на улицах, убирали урожай.

12 октября был получен приказ об эвакуации университета в Ташкент. Иван Александрович с Еленой Сергеевной выехали 14 октября первым эшелоном, вместе со всем "большим" ученым советом. Основная часть геофака, в том числе и сотрудники кафедры, отправились вторым эшелоном 19 октября. Пока факультет добирался до места назначения (почти месяц), было принято решение сосредоточить МГУ в Ашхабаде. Сразу по приезде туда Иван Александрович получает приказ о назначении его деканом географического факультета.

Надо ли говорить, сколь тяжелым было то время? Первая забота — организовать работу факультета в эвакуации, найти свое место в обслуживании фронта и тыла исследованиями, подготовкой специальных карт, географический анализом театров военных действий, рекомендациями по размещению и обеспечению эвакуированной промышленности. Преподаватели факультета вели активную лекционную деятельность в военных учебных заведениях, находящихся в Ашхабаде. Нелегкой миссией для декана было обеспечить всех сотрудников и студентов жильем, наладить снабжение. В Ашхабаде, кроме того, на Ивана Александровича обрушилось горе. Тяжело заболела Елена Сергеевна, которую буквально чудом удалось спасти.

В конце августа 1942 г., когда бронированный гитлеровский таран рвется к Волге, приходит решение о переводе МГУ в Свердловск, ближе к Москве. Декану геофака И.А.Витверу приходится заново решать все вопросы размещения и обеспечения сотрудников и студентов, работы факультета в до отказа перенаселенном городе.

В начале 1943 г., задолго до реэвакуации всего университета, И.А.Витвера специальным приказом отзывают в Москву в распоряжение Наркомата обороны. Он сдает факультет и выезжает читать лекции сразу в двух военных академиях, где уже готовятся командные кадры для вступления Красной Армии в Западную Европу. Вернувшись в Москву, Иван Александрович по просьбе Военного издательства быстро пишет новую

работу о Германии — она выйдет в свет как раз к тому времени, когда наши войска подойдут к Одеру. Кроме того, и в эвакуации и в Москве он не оставляет работу над задуманной еще до войны книгой “Историко-географическое введение в экономическую и политическую географию капиталистического мира”. Она тоже выходит в свет в 1945 г. в Издательстве МГУ.

После войны жизнь университета возобновляется в новых условиях, которые непосредственно касаются и витверовской кафедры. Советское присутствие в освобожденной Европе и победа на Дальнем Востоке, связи с союзниками, создание Организации Объединенных Наций, установление дипломатических отношений со многими странами мира — все это создает новые, невиданные до того потребности в изучении зарубежных стран. На факультете в рамках экономико-географической специальности официально открывается специализация по зарубежным странам.

Существенно увеличивается число закрепленных за кафедрой студентов и аспирантов. И.А.Витвер много сил затрачивает на совершенствование учебного процесса. Происходит прежде всего индивидуализация подготовки студентов. Уже со второго курса каждый из них прикрепляется на все время пребывания в университете к определенному научному руководителю, под контролем которого выполняются сначала курсовые работы нарастающей сложности, а затем и дипломная работа. Защиты курсовых работ осуществляются на специальных заседаниях кафедры, дипломных — на заседаниях Государственной экзаменационной комиссии. Это поднимает престижность первых самостоятельных научных работ студентов.

Не только студенты, но даже преподаватели пока не имеют возможности выехать в страну, которую они изучают. Но заведующий кафедрой неотступно требует от студентов и их руководителей все возрастающей опоры на анализ и картографирование первичной статистики, цenzов. “Изучение зарубежных стран, — пишет И.А. Витвер в 1954 г., — требует особых усилий для того, чтобы не сбиться на легковесные компиляции. Тот, кто пишет на основании только готовых работ, почти неизбежно в чем-нибудь окажется в плену готовых точек зрения. Чтобы этого не было, необходима самостоятельная обработка первоисточников”.

И все же И.А.Витвер добивается включения в учебный план полевых практик для зарубежныхников — они должны обладать навыками самостоятельного сбора и анализа первичного материала. Для проведения ежегодных практик выбирается район Закарпатья, где есть условия имитировать модель зарубежной страны или ее района, где разнообразие

природных условий, населения и хозяйства, пересечение международных зарубежных путей дает большие возможности для учебных исследований. Есть и другая польза: Иван Александрович уверен, что “сочетание отечественной и зарубежной тематики совершенно естественно и едва ли требует объяснений. Кафедра всегда проводила ту точку зрения, что познать и правильно понять действительность любой страны можно только хорошо зная свою Советскую Родину”.

Постепенно расширяется и штат кафедры. В 1945 г. на нее зачисляется талантливый ученик Н.Н.Баранского Исаак Моисеевич Маергойз, который берет на себя изучение обеих Германий и Чехословакии, а также возглавляет семинар по странам народной демократии.

Работа кафедры теперь уже не ограничивается только географическим факультетом. В 1944 г. в МГУ создается факультет международных отношений, и кафедре поручают ведение на нем курсов экономической и политической географии зарубежных стран. В 1945 г. этот факультет преобразовывается в самостоятельный Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. Там создается собственная кафедра экономической и политической географии зарубежных стран, которую возглавляет П.И.Глушаков (в МГУ на кафедре Витвера он остается совместителем). Но на этой кафедре главная сила — лекторы из университета: Н.Н.Баранский (США), И.А. Витвер (Англия, Франция, Латинская Америка), И.М.Маергойз (Германия, Чехословакия). И.А.Витвер становится членом ученого совета МГИМО, играет в нем одну из ведущих ролей, к его советам и мнению очень прислушиваются.

В МГИМО у Ивана Александровича появляются новые ученики. Среди них — В.В.Вольский и Г.П.Черников, которые прошли витверовскую школу от курсовой работы второго курса до диплома, затем написали и защитили под его руководством кандидатские диссертации, дружили и сотрудничали со своим учителем до конца его дней, остались верны его памяти.

Разумеется, в университете таких учеников у Ивана Александровича было больше. Нельзя не сказать, например, о ставших признанными профессорами географического факультета Эмиле Борисовиче Валева (окончил МГУ в 1946 г., защитил диссертацию в 1949 г.) и Александре Евгеньевиче Слуке (окончил МГУ в 1948 г., защитил диссертацию в 1952 г.), о главном научном сотруднике Института географии АН СССР профессоре Якове Григорьевиче Машбице (окончил МГУ в 1951 г., защитил диссертацию в 1962 г.), о заведующем кафедрой географии Педагогического университета им.Ленина академике

АПН профессоре Владимире Павловиче Максаковском (окончил МГУ в 1950 г., защитил диссертацию в 1954 г.).

Надо признать, что теперь таких научных руководителей, каким был Иван Александрович, или уже не существует или, может быть, их настолько мало, что встретить очень трудно. Наверно, с одной стороны, резко выросли ритм жизни, объемы работ, число обязанностей, потери времени на "текучку", транспорт, суету... А с другой — нынешние научные руководители становятся все более похожими на врачей-специалистов, которые лечат болезнь, а не человека. Иван Александрович находил время и силы, чтобы прежде всего заняться формированием будущего ученого, его научного мировоззрения, широты взглядов, его методологии, и лишь во вторую очередь его интересовала конкретная тема и ее реализация. Беседовать со своими аспирантами он предпочитал не на кафедре, где входят и выходят, о чем-то спрашивают, отвлекают, а у себя дома — спокойно, размеренно, обстоятельно. Много внимания уделял тому, что и как ты читаешь, что ищешь, как ведешь систематизацию материала. Детально и всесторонне обсуждался План работы, в течение выполнения которой можно было приходиться и советоваться, провести дискуссию по поводу пришедшей тебе в голову идеи. Но Иван Александрович не любил читать отдельные главы, куски работы. Человеку давалась полная самостоятельность написать ее целиком и положить на стол в точно согласованное — еще год назад — время. Вот тут уже не было более внимательного и требовательного рецензента, чем Витвер. Он сразу видел достоинства, умел похвалить, но нельзя было надеяться на какое бы то ни было снисхождение к недостаткам, причем не только крупным и важным, но и к "мелочам", которых многие просто не заметили бы. Тщательно обсуждались идея и исполнение карт. В результате, если после всей доработки Витвер "пропускал" работу через кафедру, а потом и через ученый совет, можно было быть уверенным, что оппоненты не очень-то "разгуляются" по твоим страницам, что оспаривать они смогут разве что саму концепцию, а уж это-то надо уметь защищать.

У Витвера было немало прямых учеников, в том числе и ныне здравствующих, но несопоставимо больше учеников косвенных, тех, кто сам считал себя также его учеником, тех, кто учился "по Витверу", у Витвера, тем более тех, кто специализировался по его кафедре, кто так или иначе проходил через его руки, привлекал его внимательный взгляд. В архиве И.А.Витвера сохранились копии его отзывов на дипломные работы выпускников кафедры 1945-1954 гг. Ни один из них нельзя назвать какой-то формальной отпиской "для галочки". Это всегда серьезный и обстоятельный, на многих страницах, разговор на равных

с автором дипломной работы, это аргументация оценки работы для Государственной экзаменационной комиссии, это очень ответственная и непростая оценка способностей и наклонностей автора, рекомендации на будущее. Несколько десятков географов-зарубежников получили благословение Витвера на научную работу и стали хорошими учеными, преподавателями, а многие из них до сих пор являются ведущими специалистами в нашей географической науке.

Немало зрелых ученых, гордившихся своими прямыми учителями, с большой теплотой и благодарностью называли и до сих пор называют своим учителем также и И.А.Витвера. Вот надпись, которую сделал на своей статье И.М.Маергойз, ученик Н.Н.Баранского: “Моему учителю, человеку глубоко обаятельному и поистине благородному, дорогому и глубоко уважаемому Ивану Александровичу Витверу от очень во многом обязанного ему автора на добрую память. И.Маергойз. 10.05.47”.

Впрочем, И.А.Витвер был очень внимателен и добросовестен не только по отношению к своим ученикам, товарищам, коллегам по работе. Ко всему, за что он брался (а брался он далеко не за все, от многого отказывался из-за и без того постоянной перегрузки), он относился с большой ответственностью. Вот неполный список рецензий и отзывов, которые написал Иван Александрович в одном лишь 1951 г. для различных организаций как член ученых или редакционных советов, оппонент или просто по настойчивой просьбе:

- на докторскую диссертацию В.И.Петросяна;
- на “Атлас для 9-го класса” для ЦНИИГАИК;
- на диссертацию Э.П.Плетнева для МГИМО;
- на рукопись И.А.Дементьева “Суэцкий канал” для Географгиза;
- на рукопись Гордонова “Египет” для Географгиза;
- на вступительную статью Соболя к труду Дарвина “Путешествие вокруг света на корабле "Бигль" для Географгиза;
- на статью "Европа" для БСЭ: — на статью “Золотой Берег” для БСЭ;
- на брошюру В.В.Вольского “Колумбия” для Географгиза и автора;
- на книгу “География энергии” для издательства “Иностранная литература”;
- на книгу Л.Родина “Пять недель в Южной Америке” (Географгиз);
- на книгу Х.Я.Тахаева “Башкирия” (Географгиз);
- на книгу С.Н.Рязанцева “Киргизия” (Географгиз);
- на рукопись Э.Д.Жибицкой “Швеция” для автора;

— на рукопись С.Каргаловой и Т.Панфиловой “Преподавание экономической географии зарубежных стран в средней школе” для Учпедгиза.

И все это — в промежутках между лекциями в МГУ и МГИМО, заседаниями кафедр и ученых советов, выступлениями и обсуждениями, переработкой очередного издания учебника и подготовкой новых трудов. Каждую работу Иван Александрович Тщательно читал с карандашом в руках. Он обладал необычайным даром видеть сразу несколько срезов — структуру, методологию, жанр работы, ее концепцию, возможную реакцию читателей, и одновременно "вылавливать ошибки, несуразности, неточности, в том числе в цифрах, датах, именах. Рецензии эти читаются с большим интересом. Не устаешь удивляться: откуда он знал так много? Удивительная эрудиция! И как заметил все это? Издательства и журналы хорошо знали, что нет надежнее рецензента, чем ИА.Витвер. Его отзывы всегда были исчерпывающими. Если работа ему нравилась, или она, по его мнению, была нужна, он помогал ее исправить и улучшить. И испытывал немалое смущение, если считал, что сделал для этого не все. Свой отзыв на последнюю из приведенных выше в списке работ Иван Александрович начинает так: “Получив эту работу в период “цейтнота” со сдачей 13-го издания своего учебника, а также и с другими делами, я не смог, к сожалению, уделить ей того времени и внимания, какого она заслуживает. Поэтому я заранее прошу извинения и у авторов, и у издательства, если мои замечания будут недостаточно полны, а может быть, и не всегда достаточно полно аргументированы”. И далее идет 22 страницы плотного машинописного текста замечаний. И это называется "не уделить работе должного времени и внимания"?

Плохие и никчемные работы надолго выводили Ивана Александровича из равновесия. Особенно беспощаден был он к “халтуре” некоторых кичащихся своим именем профессоров. Одним духом выплескивал он на бумагу свое возмущение. Но... это был бы не он, если бы такая рецензия ушла с его подписью. И он, остыв, садится снова к столу и вычеркивает целыми абзацами самые сердитые места. Остается только вежливая, деловая конкретика.

Но такие случаи были сравнительно редки: Иван Александрович старался избегать плохих работ и некоторых уже известных ему авторов. Зато многие десятки авторов остались навсегда благодарными ему за то, что их работы с его благословения и при его неоценимой помощи увидели свет.

Разумеется, И.А.Витвер был идеальным редактором. Он научился этому еще во время работы в редакция энциклопедии, затем совершенствовал свое мастерство в ходе

редактирования каждого нового издания учебника. В послевоенное время почти каждый год под его редакцией выходили 2—3 книги. Обладая высокой общей культурой, яркой разнообразной палитрой литературного русского языка, разбираясь в существе трактуемых вопросов нередко лучше самих авторов редактируемых книг, Витвер тем не менее был редактором очень внимательным и деликатным, никогда не навязывал своей точки зрения и своих формулировок, старался понять автора и прийти к согласию с ним или аргументировал свои предложения, причем тоже очень корректно: “Взятое в скобки место прошу разрешения снять (или надо его иначе формулировать). Дело в том, что...” – и далее шла аргументация.

Особо надо отметить редактирование им переводов фундаментальных работ зарубежных географов. Выше уже упоминался изданный им труд французского географа Э.Мартона. Тогда Иван Александрович, можно сказать, впервые публично блеснул своим знанием языка. В 1948 г. под его редакцией, с его предисловием и примечаниями выходит 700-страничный перевод с английского работы Д.Стампа и С.Бивера “Британские острова”. В 1951 г. он осуществляет публикацию работы Пьера Жоржа “Франция. Экономическая и социальная география”.

Нельзя не остановиться специально еще на одной грани творческого таланта И.А.Витвера — на его постоянной работе в области картографии. Любовь к карте проявилась у него с самого детства — еще тогда рисовал он свои первые карты и даже составил “Атлас Европы и Америки”. Всерьез изучал геодезию и основы картографии на кафедре Д.Н.Анучина. В издательстве энциклопедии многому научился у В.А.Каменецкого и Л.Д.Синицкого. Первые его самостоятельные карты были опубликованы в Большой и Малой советской энциклопедии в 1928 г. Н.Н.Баранского, знатока и пропагандиста карты, просто поразила экономическая карта Южной Америки, подготовленная Витвером для МСЭ, — своей детальностью, точностью, выразительностью, какой-то ювелирной элегантностью. Потом он сделал все эскизы картографических иллюстраций для своего latinoамериканского двухтомника. Признание авторитета Витвера-картографа в кругах специалистов пришло после выхода в свет в 1933 г. “Атласа Московской области”, в котором он был одним из составителей и редакторов.

С этого времени Витвер выступает уже и как теоретик в области картографии. В том же году его приглашают выступить с одним из базовых докладов — о проблемах экономического картографирования капиталистических стран — на 1-м Всесоюзном

географическом съезде. Много сил, изобретательности и времени потребовала многолетняя работа по оснащению учебника постоянно обновлявшимися картами.

И.А. Витвер принимает активное участие в создании первого Большого советского атласа мира как консультант и рецензент карт. А когда в 1937 г. Выходит в свет первый том атласа, он публикует большую и обстоятельную рецензию на него в журнале "Большевик" — очень авторитетном тогда массовом издании.

В послевоенные годы работа Ивана Александровича в области картографии становится систематической и весьма ответственной: он принимает на себя редактирование всех карт по капиталистическим странам сначала в огромном двухтомном "Морском атласе", а затем и в "Атласе мира", который издавался по его инициативе.

Такова была нагрузка, которую нес на себе этот человек. И чем дальше, тем она, эта нагрузка, все возрастала, все больше людей хотело приложиться к этому источнику мудрости и знаний. А силы, к сожалению, уже убывали. Но Иван Александрович, казалось, не замечал этого. Свое 60-летие, которое тепло и широко отметил университет, его коллеги и ученики, аспиранты и студенты, вся географическая научная общественность, учителя и ученики в школах страны, он встретил в разгаре кипучей деятельности.

Университет начал активно готовиться к переезду в новые здания на Ленинских горах. Планировалось расширение приема, кафедра получила новые штаты, разрабатывала новые учебные планы, новые курсы и программы. Сам Иван Александрович начал в это время создавать новый курс очень высокого уровня, над которым уже давно думал, — географию мирового хозяйства и международное разделение труда. В 1952 г. он впервые прочел его аспирантам, среди которых был и автор этих строк. Конспект тех лекций не раз служил мне добрую службу, являлся источником все новых идей. Одновременно он работал над книгой по Франции и над новым изданием "Историко-географического введения".

Кафедра, между тем, отнимала все больше времени. Один за другим в нее входили все новые ее воспитанники — теперь уже не только в качестве преподавателей, но и в качестве впервые разрешенных научных сотрудников без нормированной педагогической нагрузки: Ю.В.Илинич, Э.Б.Валев, А.Е.Слука, В.П.Максаковский, В.В.Бодрин, И.Х.Овдиенко, И.Ф. Антонова, Н.М.Польская. Большая часть новых членов кафедры включилась в разработку созданного жизнью нового направления — экономической и политической географии стран народной демократии. В основном это направление поручено было возглавлять И.М.Маергойзу. Он же стал руководить затем и семинаром по этим странам. Но И.А.Витвер был на кафедре "отцом" всего: он редактировал

“Чехословакию” и “Венгрию Маергойза, работы Глушакова, Валева, Максаковского, из-под его пера вышли первые программы курсов по странам народной демократии.

В “красном флигеле” на Моховой кафедра занимала часть комнаты вместе с кафедрой экономгеографии СССР и угол у окна в коридоре со шкафом и столом. На Ленинских горах ей отдавали половину 22-го этажа. Там предполагалось открыть шесть региональных кабинетов. Сгрудившись вокруг стола, кафедряне обдумывали планы своего этажа: как распределить помещения, чем заполнить их, чтобы они действительно стали научными и учебными кабинетами. Иван Александрович буквально “лег костями”, чтобы “пробить” валютные ассигнования для приобретения атласов, карт, статистики, литературы для кабинетов. Но это было полдела: пожалуй, не менее сложно было в то время достать нужные каталоги из многих стран мира и организовать гарантированную выписку необходимого. Но и кафедра не должна была сидеть сложа руки — каждый сотрудник получил от И.А. Витвера списки настенных карт и других наглядных пособий, которые он должен был подготовить. Ко времени переезда кафедра уже имела более 200 отлично сделанных карт для кабинетов и учебного процесса. И в каждой из них, без всякого сомнения, был кусочек витверовской души.

Наконец, 1953/54 учебный год кафедра встретила в новом здании. Но напряжение не уменьшилось. Вся эта “эвакуация наоборот”, организация заново учебного процесса, кабинетов, научных планов — все требовало много сил, неослабного внимания. К концу 1953 г. пошел поток последних проб “Атласа мира”, и Иван Александрович со своей большой лупой засиживался с каждой из них до глубокой ночи. Потом подоспела верстка первого издания маейргойзовской “Чехословакии”, и редактор с автором провели вместе немало вечеров, по-витверовски скрупулезно подчищая последние замеченные неточности и шероховатости. А весной началась очередная гонка с новым, 16-м изданием учебника: несколько корректур и сверок, обычная борьба за строчки и даже отдельные слова, поиск возможности отразить самые последние существенные изменения на экономической и политической карте мира.

Наконец издание учебника, оказавшееся последним, было подписано в печать. Позади остались экзамены и защита дипломов выпускниками, к чему Иван Александрович относился всегда крайне ответственно и внимательно. Можно было собираться в отпуск, который в этот раз Иван Александрович и Елена Сергеевна решили посвятить путешествию на теплоходе по Волге, о чем давно мечтали. Билеты были взяты, и до отплытия оставалось всего несколько дней. Но Иван Александрович не мог уехать, не выполнив еще одного

своего обязательства. Университет шел навстречу своему 200-летию. Географический факультет решил к этой дате издать книгу о географии в Московском университете. Заведующий кафедрой И.А.Витвер должен был написать в нее статью “Экономическая география зарубежных стран в Московском университете”. Это было тем более важно, что в ноябре 1954 г. исполнялось 20 лет его кафедре, нужно было подвести некоторые итоги. Несмотря на полное отсутствие времени, Иван Александрович, как всегда, садится за работу основательно, обкладывается материалами, отчетами кафедры, своими заметками. В течение четырех дней, отдыхая лишь 3-4 часа в сутки, он пишет и накануне отъезда сдает эту интереснейшую и сегодня для всех нас статью.

С чувством выполненного долга, с легким сердцем заняли Витвера (так обычно называла свой “дуэт” Елена Сергеевна) отличную каюту люкс... Нет, они совершенно не предчувствовали, что именно здесь их поджидает судьба. На второй день полного расслабления и отдыха у Ивана Александровича случился тяжелый инсульт — кровоизлияние в мозг...

Впрочем, может это и не так — насчет предчувствия. Прочти, читатель, публикуемое ниже письмо Ивана Александровича Н.Н.Баранскому. Там много интересных и ценных мыслей, но особенно обращает на себя внимание одно место: ведь это, по-существу, он пишет о себе, когда говорит о нашей системе эксплуатации преподавателей, ученых, о том, к чему она должна неизбежно приводить.

Но это был еще не конец. Это было начало еще одного, пожалуй, самого трудного подвига этого человека.

Письмо И.А. Витвера Н.Н. Баранскому

Дорогой Николай Николаевич!

Статью прочитал, с ее направлением в основном согласен. Имею, однако, ряд замечаний. Более существенными из них считаю следующие:

несоразмерно большое место уделено рассмотрению предложения Сементовского и недостаточное внимание уделено двум более важным вопросам:

1) вопросу подготовки кандидатов не путем обычной аспирантуры. Путь аспирантуры не единственно возможный, а может быть даже и не наилучший путь. В той же статье “Правды” (основанной на решении правительства) сказано и о лекционных ассистентах, и о расширении возможности откомандирования в одногодичную аспирантуру преподавателей, уже работающих, для завершения диссертаций.

2) Вопросу медленного дальнейшего роста преподавателей, получивших кандидатскую степень, уделено маленькое замечание, а это вопрос исключительно важный с точки зрения существа дела, особенно если ставить вопрос о смене Бергов, Борзовых, Польшовых и т.д. При той преподавательской нагрузке, которую обязаны нести ассистенты и доценты с первого же года преподавания, при многообразных общественных обязанностях, которые немедленно накладывают на преподавательскую молодежь (особенно на ее более активную часть), я могу смело сказать: научно-творческий рост возможен лишь за счет систематического перенапряжения, иначе говоря — за счет раннего склероза и прочих последствий, ведущих в конце концов к преждевременному ослаблению работоспособности. Это не вопрос либерализма в отношении к научно-преподавательской молодежи, а вопрос целесообразности. Это, к сожалению, до сего времени в МВО или не понимали, или делали вид, что не понимают... В дореволюционном университете приват-доценты начинали, как правило, с чтения курса, более или менее специального характера, а затем уже “расширялись” — и это имело свой смысл. А у нас приходится с первого года поручать читать начинающему преподавателю страны, по которым он не знает языка, никогда ничего фундаментального не читал.

Правда, сейчас будут “твердые штаты”. Но на какой основе они будут исчисляться? Если (для примера) на кафедру стран капитализма (включая и колониальные страны) наберется 3 единицы, на народные демократии Запада 1 ½, и Востока 1 ½ (включая и физическую и экономическую географию и историю и культуру), то ничего кроме верхоглядства и не может получиться. В частности, давая 6-10 часов на руководство курсовыми работами, тем самым узаконивают поверхностный характер руководства, особенно при необходимости иметь курсовые работы одновременно, скажем, по Кубе, Болгарии и Индии. При этом надо писать учебники, участвовать в составлении карт для Высшей школы и т.д. и т.д.

А в результате вот что страшно: создается почва для преуспевания тех, кто работает без творческого огонька, равнодушно, по линии наименьшего сопротивления. По сути дела эти “нормы нагрузки” есть не что иное, как узаконивание линии наименьшего сопротивления. А что касается предложений Сементовского, то, во-первых, с точки зрения основной задачи статьи это вопрос второстепенный, а во-вторых, и поставлен он Сементовским, по-моему, неубедительно.

Редакционного характера мой замечания — на оборотах соответствующих страниц. Из них более существенны, по-моему, замечания к стр. 3, 9, 24, 25, 26 (очень прошу

оговорить, да покрепче, насчет обязательного печатания докторских диссертаций, если они не закрытые, и обеспечить достаточный контроль, если они закрытые, потому — от непечатающих докторов может быть больше вреда, чем пользы).

И.А. Витвер 16.IV.53.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Главное, что хотелось бы сказать, оценивая личные качества Витвера, — ничто человеческое было ему не чуждо. Были у него и слабости, и недостатки, и противоречивости в его жизненных полосах”, сменявших друг друга. Обычно очень живой, оптимистичный, доброжелательный, даже благодушный, он, когда его “допекали”, впадал в хандру, был готов все бросить, мог поворчать и даже не на шутку рассердиться. Интереснейший, умный и тонкий собеседник, веселый и остроумный, душа общества, не терпевший однообразия и потому бравшийся нередко за несколько дел сразу, он мог надолго “уйти в подполье”, целиком отдаться одному-единственному делу, стать настоящим нелюдимом. Люди, знавшие его в какой-то один короткий отрезок времени, нередко ошибались по поводу его характера.

И все же, если бы надо было назвать главное "ключевое слово" в “модели” этого человека, это было бы, наверно, “преодоление”. Он обладал таким большим запасом душевных сил, что был способен осознать и преодолеть свои недостатки и в конечном счете обратить их в достоинства, был способен преодолеть свою натуру, пойти “против течения” и добиться крупных результатов, не говоря уже о преодолении многих барьеров на своем пути.

По натуре Иван Александрович был человеком увлекающимся, поддающимся настроению, воздействию людей с более сильной волей. Именно это сказалось на первых годах его самостоятельной жизни. Увлечение Анучиным, потом, под влиянием Кусевицкого и Орлова — музыка, потом исторический факультет и наконец возврат к географии под могучим воздействием Баранского. Но больше метаний не было. Он преодолел свою неуверенность и сделал выбор на всю жизнь. А свою разбросанность студенческих лет Иван Александрович превратил в разносторонность, в основу поражающей всех эрудиции.

Природная скромность Ивана Александровича, неумение повысить голос, “взять на горло”, неспособность круто и предельно ясно для подчас бесцеремонного собеседника высказать ему все “по-русски“ — все это не однажды приводило к тому, что у него не хватало решимости отказываться от непосильной по объему работы, которую ему всячески

навязывали, зная его предельную добросовестность. На эту периодически нараставшую беззащитность иногда накладывался, усложняя положение, своего рода комплекс неполноценности, связанный с беспартийностью Ивана Александровича: заведующий “политической” кафедрой, он не считал для себя возможным отказываться от каких бы то ни было поручений или просьб партийных органов, учреждений. А физических сил было не так много, Здоровье оставляло желать лучшего.

Стечение всех этих факторов привело Ивана Александровича в середине 30-х годов к тяжелому кризису. Обстановка сгущалась постепенно. Тогда не существовало ограничений на совместительство, единственное, что требовалось — вовремя сдавать работы по запланированным обязательствам. Но и оставить работу без разрешения администрации тоже не допускалось. Когда он перешел на работу на почвенно-географический факультет МГУ, его одновременно оформили действительным членом Научно-исследовательского института географии МГУ (НИИГ), существовавшего тогда в условиях разделения преподавательской работы и исследовательской. Здесь он начал вести работу в секторе экономической картографии, Здесь же позже взял под свое руководство первых аспирантов — П.И. Глушакова и М.Г. Рейсер (Соловьеву). В начале 1934 г. И.А. Витвера убедили стать научным консультантом в Институте мирового хозяйства Академии наук СССР, который взялся за подготовку заинтересовавшего Ивана Александровича “Атласа империализма”. В то же время его настойчиво “попросили” читать курсы лекций в Институте красной профессуры и в Коммунистической академии. Все это было уже слишком. И потому, когда ему, невзирая на все его нагрузки, дали еще поручение написать учебник, он поставил условие – освобождение его от всех остальных обязанностей.

И он тогда добился решения о его высвобождении, которое было разослано во все учреждения. Однако никто не хотел терять такого специалиста, тем более что указание “сверху” касалось лишь последних семи месяцев 1934 г. (по решению автор должен был представить учебник к 1 января 1935 г.). Все пять организаций заявили о готовности передвинуть курсы и сдачу работ И.А. Витвера на 1935 год. Тогда ему казалось, что это приемлемо. Но “человек предполагает, а бог располагает”. На деле работа над учебником вышла за предусмотренные сроки. Этому способствовало и то, что в самом ее апогее — январе-феврале 1935 г. — Иван Александрович на два месяца потерял работоспособность из-за мучившей его хронической болезни.

Здесь надо сказать несколько слов о состоянии здоровья Ивана Александровича. Он и в детстве не был крепким и сильным, а материальные трудности периода войны,

революции и разрухи, напряженная работа в “энциклопедический период“ сделали его здоровье еще более уязвимым. Весной 1930 г., во время полевых выездов для сбора материалов для Атласа Московской области он подхватил тяжелейшую малярию. Она трепала его время от времени в течение многих лет, и он к ней даже как-то приспособился. После долгого перерыва озноб начинался внезапно во второй половине дня, когда у Ивана Александровича, как правило, сидел какой-нибудь посетитель или даже были гости, которых он очень любил принимать. Он ложился на диван, Елена Сергеевна накрывала его несколькими пледами и начинала очередной раунд энергичного лечения.

Но гораздо мучительнее малярии оказалось для Ивана Александровича ее осложнение (так говорили врачи, а теперь думается, не было ли оно результатом приема лошадиных доз хинина?) — хроническое заболевание среднего уха, так называемая болезнь Меньера. Ее длительные обострения наступали в результате переутомления. Сильный шум в ушах, иногда с каким-то звоном, сопровождался расстройством вестибулярного аппарата — головокружениями, потерей равновесия, тошнотой — мерзкое состояние морской болезни. Лекарств от этой болезни практически не было. Нужен был отдых и сон. Именно обострение болезни Меньера вывело из строя Ивана Александровича во время работы над первым изданием учебника.

Тогда, после возвращения из Ленинграда, последней сверки и подписания 1 августа 1935 г. учебника в печать, Иван Александрович строил радужные планы месячного отдыха и ликвидации затем штурмом своих долгов. Но судьба опять распорядилась не так: 4 августа он свалился в постель с брюшным тифом, и лишь в начале ноября смог вновь появиться на кафедре, резко исхудавший, с черными кругами под глазами. Да, большою кровью достался учебник его автору!

Когда пришла пора отчитываться за 1935 год, Иван Александрович понял, что так дальше продолжаться не может: у него просто нет физических сил тянуть все нагрузки. Он не может гнаться за стремительно растущим потоком взваливаемых на него обязанностей. В душе назревает протест, бунт. В конечном счете он преодолевает себя, свою безропотность и принимает твердое решение освободиться от всех совместительств, оставить себе только кафедру и учебник, о необходимости второго издания которого он уже был предупрежден. Принять такое решение было для Ивана Александровича не просто, стоило немалых душевных сил. Выполнить его тоже оказалось не легко. Кто-то его понял, но кто-то и уперся.

Трудным было, например, расставание с НИИГ. В марте 1936 г. И.А. Витвер подал заявление в дирекцию института с просьбой о его освобождении. Между прочим, в этом заявлении был весь он — предельно добросовестный, беспокоящийся больше об интересах института, дела, чем о своих. Вот выдержки из него: “В течение почти уже двух лет я систематически недовыполняю свои обязанности перед институтом. Причины этого в следующем. ... Вернувшись после болезни уже в разгар академического года, я оказался буквально подавленным различного рода накопившимися обязательствами, выполнение которых не мог уже больше откладывать... В результате — раздерганность, перебрасывание от одного дела к другому, невозможность сосредоточиться. Отсюда — необходимость чем-то жертвовать и разгружаться. В связи с изложенным прошу освободить меня от обязанностей действительного члена института”.

Дирекция НИИГ отказалась удовлетворить просьбу: “Почему тов. Витвер решил жертвовать именно нами? Никто другой в НИИГ не может выполнить его работу, стоящую в плане”. Конечно, они предпочитали, чтобы Витвер жертвовал собой. Последовал вызов в ректорат университета, неприятные разговоры, увещевания. Но он твердо решил уйти. Два месяца Иван Александрович опять сидит ночами над завершением долгов по институту. А в мае снова подает заявление, в котором просит считать его решение окончательным и для смягчения жесткости — не был бы он Витвером! — сообщает, что обязуется совершенно безвозмездно проследить за доведением до издания выполненной при его участии работы и завершить руководство своими аспирантами.

Но Ивану Александровичу только кажется, что он близок к желанной разгрузке. На деле — “и вечный бой, покой нам только снится”. Ему суждено всю его активную жизнь работать с перегрузками, бороться с ними, преодолевать их. Едва отдел науки и учебных заведений ЦК ВКП(б) согласился освободить его от дальнейшего чтения лекций в Комакадемии (тем более, что ее в 1936 г. решили влить в Академию наук), как его пригласили в отдел агитпропа и “попросили” прочесть курс в Высшей школе пропагандистов. Успех его учебника для средней школы, превзошедший все ожидания, также работал “против” него. Спрос на учебник был настолько велик, что в 1936 г. Иван Александрович переработал его для 2-го издания, а в 1937 — для 3-го и 4-го. Но этого мало, теперь то одному, то другому там, “наверху”, стало казаться, что Витвер как раз тот человек, который может и должен обеспечить всю страну всеми типами учебников по экономической и политической географии капиталистического мира. В декабре 1936 г. выходит постановление Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ),

порукающее И.А. Витверу подготовку двухтомного учебника по экономической географии капиталистических стран для ВУЗов. В июне 1937 г. И.А. Витвер получает постановление ЦК ВКП(б) о “привлечении” его к написанию учебника экономгеографии капиталистических стран для партийных учебных заведений. С этим постановлением в те страшные годы — шутки плохи, и Иван Александрович в промежутке между работой над 3-м и 4-м изданиями своего школьного учебника — “от начала лета до бабьего лета” — садится за написание пособия для партшкол. В результате в 1937 г. ни одной недели отдыха, два обострения болезни Менъера, около десятка рецидивов малярии.

Что касается вузовского учебника, то Иван Александрович стгоряча взялся было за выполнение постановления ВКВШ. С тех пор еще остались в его делах варианты детальных планов, заметки, наброски, к которым он не раз возвращался потом, особенно после войны, не расставаясь с мечтой о создании полновесного университетского учебника. Но тогда он быстро понял, что в одиночку ему не одолеть это сложное дело. А коллектива, на который можно было бы опереться, нет. Кафедра существует фактически только на бумаге и состоит из организуемых им сторонних лекторов.

Чтобы создать реальную и сильную кафедру, практически единственную специализированную во всем Советском Союзе, И.А.Витверу пришлось преодолеть немало трудных барьеров. Самым трудным, несомненно, был тот первый, стартовый. Обстановка на почвенно-географическом факультете была очень сложной. На расширение кафедры не давали штатных единиц, шла борьба за выживание самой экономико-географической специальности. Часть физикогеографов старой, “бесчеловечной школы, объединившись с почвоведрами, в мае 1937 г., сильно потеснили Баранского и Витвера: экономико- и физико-географические специальности были слиты в единую специальность “география”. Это подлило еще больше масла в огонь: Н.Н. Баранский яростно ринулся в контратаку всей своей мощью. Витвер же не был бойцом такого типа. Тогда его первым протестом было — “уйти от этих людей“. В начале и в конце июня он одно за другим подает в деканат почвенно-географического факультета два заявления. В первом из них он, придя к выводу, что “при существующем положении сохранение отдельной кафедры экономгеографии капиталистических стран совершенно нецелесообразно”, просит слить ее снова с кафедрой экономгеографии СССР, а его при всех условиях освободить от заведывания ею. Во втором он сообщает, что в соответствии с постановлением ЦК КПСС, поручающим ему подготовку учебника для партшкол, сможет приступить к чтению лекций на факультете не ранее 1 ноября, и вновь просит освободить его от заведывания “безлюдной кафедрой, лишенной

специализации”. Тогдашний деканат игнорировал эти заявления — с Витвером даже никто не поговорил.

Вернувшись на кафедру 1 октября, И.А.Витвер тут же передает декану еще одно заявление, в котором, в частности, говорится: “Несмотря на мои тяжелые обстоятельства и несмотря на то, что я имею формальное право требовать себе отпуск до 1 ноября, я приступаю с 1 октября к чтению лекций и беру часовую нагрузку, большую, чем обычно нес. Я не считаю возможным поступить иначе, так как я — единственный штатный работник по экономгеографии капиталистических стран и мой отказ привел бы к срыву ряда курсов. Но я настаиваю, во-первых, на освобождении меня от заведывания кафедрой, оставляя в силе предложение слить ее с кафедрой экономгеографии СССР, во-вторых, на том, чтобы был приглашен, по крайней мере, еще один штатный работник — т. Магидович. Поступать так, как я поступал все предыдущие годы, т.е. затыкать все прорехи самим собою, я в дальнейшем не смогу, как в силу указанных выше обстоятельств, так и в силу того, что количество курсов в этом году гораздо больше, чем в прошлом. Кроме того, я прошу предоставить мне месячный отпуск среди зимы, взамен неиспользованного, когда к этому представится наибольшая возможность по ходу дела”.

И все-таки “интеллигентские протесты”, как их называл Н.Н.Баранский, сыграли свою роль. Все три заявления стали предметом рассмотрения уже не деканата, а специальной комиссии ВКВШ и ректората, создания которой добился все тот же “Николай Большой”. И вот — победа: география выделена в отдельный факультет, экономико-географическая специальность восстановлена, кафедра И.А. Витвера получила, наконец, еще три штатных единицы.

Правда, эта победа едва не обернулась трагедией для Баранского и Витвера. Некоторые нечистоплотные люди из числа оппонентов этих двух ученых, будучи не в состоянии одолеть их в научной дискуссии, начали “шить“ им политическое дело, поощряемые развязанной в то время лавиной репрессий. Дебаты о структуре факультета, о новых кафедрах, об учебных планах и программах сильно затянулись. И в их ходе на партийных и комсомольских собраниях стала все чаще мелькать кем-то пущенная Кличка “группа Баранского”. Уважаемых профессоров вытаскивали на кем-то отрететированные студенческие сходки, чтобы с издевкой покопаться в их прошлом и предъявить высосанные из пальца нелепые политические обвинения.

Иван Александрович хорошо разбирался в политике, но никогда не был политиканом. Он был беспредельно честным человеком с твердыми, с детства святыми

нравственными устоями. Для него было просто немыслимо участие в каких бы то ни было интригах, закулисных действиях. Не был он приспособлен и к быстрой “смене вех”, к конъюнктурным виражам, к легкому отказу от того, что говорил раньше. Одного из профессоров, который страдал этим недугом, Иван Александрович называл не иначе как “флюгер”.

В архиве И.А. Витвера сохранилась копия одного его письма того времени (см. ниже, после этой главы). Сегодня оно кажется чуть-чуть наивным (допущение того, что у организаторов травли могут быть “взгляды”, “позиция”). Но никакого сомнения в том, что перед нами — абсолютно честный, прямой человек, готовый любой ценой отстаивать правду, в которой он убежден. А еще из письма видно, как далеко зашло дело. Остается только снова и снова удивляться, как уцелели в то время и Н.Н.Баранский и И.А.Витвер.

Нельзя не сказать и еще об одном душевном качестве Ивана Александровича. При встречах и знакомствах с людьми — а встречался он с очень многими — первым его побуждением было всегда раскрываться навстречу человеку, искать в нем те качества, которые он ценил в людях. И, обладая большим педагогическим опытом, интуицией психолога, он, как правило, редко ошибался в людях. Да они и сами обычно чувствовали, что от него исходит какое-то неведомое излучение — совместимости или несовместимости. Поэтому, наверно, к нему не прилипало ничего дурного. Он имел много друзей, его ценили и глубоко уважали коллеги по работе, к нему тянулись ученики. Ради любого из них, если он попадал в беду, Иван Александрович был готов сделать все — писать министрам и Издателям, ходить на приемы к начальству, искать врачей, помогать материально.

Бывали, правда, отдельные случаи, когда в доверие к Ивану Александровичу втирались и недобросовестные люди, которых он не сразу “раскусывал”. Но, уж если это случалось, такие “типы” переставали существовать для него. Как-то, взяв в руки преподнесенную ему книгу одного сотрудника, устроить которого на факультет ему стоило немалых усилий, Иван Александрович наткнулся на уже где-то читанное им место. Немного усилий памяти — и он снимает с полки толстый американский географический журнал, который постоянно выписывал. Так и есть: дословный перевод большой статьи, десятки страниц откровенного “заимствования” без всякого упоминания источника ни в сноске, ни в списке литературы. Плагиат. А ведь и языка не знает. Очевидно, воспользовался переводом, сделанным в Издательстве иностранной литературы.

Когда жизнь сталкивала Ивана Александровича с подобными “типами”, он просто терпелся от их бессовестности, ему было мучительно стыдно за них, и он долго не мог

собраться с силами, чтобы сказать, что он о нем думает. Складывалось такое впечатление, что он боится, как бы не замараться самому. Кроме того, он терпеть не мог никаких скандалов, разбирательств. Поэтому просто делал выводы для себя — и на всю жизнь.

А вот своим друзьям он мог сказать все, что думал, всю правду, даже подчас горькую, не особенно выбирая выражения. Его дружба была требовательной и всегда предполагала взаимную взыскательность. Он не мог “по-дружески” махнуть рукой на недостатки, “не заметить” их. Он был уверен, что поймут его побуждения, желание лучшего. И его понимали, и были благодарны, что это все увидел он своим зорким и благожелательным глазом, а не какой-нибудь злопыхатель. В архиве сохранилось одно интересное свидетельство. Однажды Н.Н.Баранский попросил И.А. Витвера отрецензировать статью, написанную для “Географии в школе” женой их общего друга, к которой Иван Александрович также относился прекрасно. Его ответ начинался так: “Дорогой Николай Николаевич! Статью Р.М. прочитал (частью только просмотрел). Она мне не нравится, особенно ее первые главы. Суть дела, как мне кажется, вот в чем... Далее идут почти пять страниц замечаний. А в конце: “Я читал свой отзыв И. М. (т.е. мужу, — Прим. авт.), и он полностью с ним согласился. Полагаю, что нас обоих нельзя заподозрить в недоброжелательстве к автору. И. Витвер. 20.10.46”.

Наверно, самым трудным для Ивана Александровича делом (как, впрочем, и для каждого из нас) было преодоление его болезней, физических слабостей. Это прежде всего требует немалого времени, а потом уже выработки системы, создания условий, настойчивости и т.д. А времени-то как раз у него всегда и не хватало. Но в сверхтяжелый 1937 год он встал перед выбором: либо в ближайшее время совсем потерять работоспособность, выйти из строя, стать инвалидом, либо строго следовать жесткой системе чередования труда и отдыха. Когда в январе 1938 г. Елена Сергеевна привезла Ивана Александровича в санаторий “Узкое”, здоровье его было “на пределе — только что закончившийся приступ малярии, обострение болезни Менъера, тяжелейшая бессонница, десяток еще каких-то недугов. Именно тогда врачам удалось убедить его серьезно заняться своим здоровьем. Они же посоветовали ему на лето выезжать в горы: смена климата, разница давлений, озонированный воздух, солнечная радиация — все это должно было способствовать прекращению приступов малярии и ослаблению болезни Менъера, более полноценному отдыху, не сопровождаемому, как обычно, сидением за письменным столом. С тех пор вошло в обычай Витверов каждый год, за исключением военных лет, делить свой отпуск между работой и профилактикой в “Узком” зимой и поездкой в горы летом.

Путешествия по родной стране, во время которых можно было ”облазить” и “пощупать” самые необычные, живописные и яркие места, стали для Ивана Александровича не только средством оздоровления, отдыха, но и какой — то заменой того живительного для всякого географа стимулятора — поездки по изучаемым краям, которого он в то время был лишен. (Правда, он никогда не переставал надеяться, что времена возможности таких поездок настанут, если не для него, то для его учеников. Автору этих строк он написал в посвящении на последнем издании учебника: “Надеюсь, в Аргентину, Бразилию и т.д. когда-нибудь поездки будут, а может быть и скоро”).

Более всего полюбился Витверам Кавказ. Впервые они поехали туда в 1938 г. Побывали на Кавминводах, Нальчике, Теберде. В 1939 году они поехали на Кавказ в обществе Е.Н.Лукашевой и ее супруга. Евгения Николаевна, доцент геофака, отлично знала Кавказ, ее перу уже принадлежало несколько путеводителей по этому району. Она выбрала маршрут, и небольшая группа во главе с Иваном Александровичем пешком, с двумя вьючными лошадьми, поднялась на Чегет, Домбай, перевалила через Главный Кавказский хребет и спустилась к оз. Рица. Каждое новое путешествие приносило новые незабываемые впечатления, многие десятки фотографий, новых друзей.

В послевоенные годы маршруты путешествий по Кавказу значительно расширились. Военно-грузинская дорога и Сванетия, Красная Поляна и Шови, Сухуми и Тбилиси. В одном из путешествий принимали участие Э.Б.Валев со своей Светланой. Затем наступила очередь Армении. Она произвела на Ивана Александровича огромное впечатление — не только горами и долинами, Севаном и Алагезом, Пушкинским перевалом и библейским Араратом, но и Матенадараном и Эчмиадзином. Здесь завязалась дружба с местным географом К.М.Аветисяном, которая поддерживалась до конца дней Ивана Александровича.

За все время с 1938 по 1954 г. Витверы только три раза “изменили” Кавказу. И все три раза их преследовала беда. В 1949 г. они для разнообразия поехали на Рижское взморье, сняли отличную комнату с террасой в Лиелупе, готовились поколесить по Риге и Латвии. Но холодная и сырая в тот год Балтика скоро свалила Ивана Александровича с тяжелым бронхитом. А вскоре с высокой температурой слегла и Елена Сергеевна. Они оказались в очень трудном положении и, едва поправившись, уехали назад в Москву.

В 1952 г. Витверы вместе с Ю.К.Ефремовым поехали на Тянь-Шань и Иссык-Куль. Здесь было все великолепно организовано. Масса впечатлений. Но, оставшись после путешествия немного отдохнуть и подлечиться на курорте Джеты-Огуз, Иван

Александрович по рекомендации тамошних врачей принял курс очень сильных радоновых ванн, которые тяжело отразились на его здоровье и, говорят, приблизили наступление катастрофы.

Последним путешествием Витверов стало уже упомянутое плавание по Волге в 1954 г. Ивану Александровичу стало плохо у самых любимых им мест — когда теплоход вечером отошел от левитановского Пlesa и подходил к траверзу Щелыкова, где Витверы не раз бывали в доме отдыха Малого театра. Утром, в Горьком, скорая помощь сняла его с теплохода и отправила поездом в Москву. Состояние его было тяжелым: отнялась речь, оказались парализованы рука и нога.

Но Иван Александрович вернулся к активной жизни и работе. И это был его последний большой подвиг — преодоление тяжелейшей болезни. В эти годы проявилась во всю мощь огромная сила духа, обитавшая в этом отнюдь не атлетическом теле. И жажда жизни, в которой еще так много, запланированного не было доделано, и необычайно настойчивое, систематическое, изо дня в день, миллиметр за миллиметром, расширение жизненного плацдарма — делали свое дело. Тренаж, тренаж, тренаж... Как только он смог передвигаться по квартире с палочкой и сидеть в своем любимом плетеном кресле, он взял в руки карандаш — отныне все будет писаться только карандашом, — завел себе тетради и начал заново учиться писать. Сначала слова, произношение которых одолевал, потом имена тех, кого хотел видеть, потом заметки, дневниковые записи, а потом мысли, идеи. Два десятка общих тетрадей этих лет — это история подвига, бесценный материал для психологического романа о возможностях человека.

Совершала в это время свой подвиг и Елена Сергеевна. Нельзя не остановиться хоть немного на том, чем была для Ивана Александровича эта женщина. Ванечка и Алenuшка — они называли друг друга только так — были удивительной парой, специально подобранной судьбой. За почти двадцатилетнее постоянное общение с этой парой мне не довелось услышать, увидеть на их лицах, прочесть в глазах не только какой-нибудь “семейной ссоры”, но даже сколько-нибудь серьезной размолвки. Елена Сергеевна не интересовалась экономической географией, не пыталась проникнуть в суть того, что пишет Иван Александрович. Не была она и выдающейся хозяйкой — ей постоянно помогала приходя два-три раза в неделю ставшая уже членом семьи Маруся, домработница Реформатских. Но что в ней было огромно — она гордилась своим Ванечкой, умела жить его интересами, всячески стремилась угождать ему. Ведь у каждого человека есть свои “домашние” слабости, и как хорошо, когда ими не пренебрегают, над ними не подтрунивают. Помнится,

например, что Иван Александрович, отпрыск потомственных швейцарских сыроваров, очень любил швейцарский сыр. Елена Сергеевна регулярно ездила за этим сыром на второй этаж магазина "Сыр" на ул. Горького, где ее уже хорошо знали и оставляли всегда кусок из самой удачной головки. Тончайше настроенный специальным ножом-лопаточкой швейцарский сыр был неизменным блюдом у Витверов.

С тех пор, как Иван Александрович стал страдать болезнью Меньера, он не подходил к телефону. Елена Сергеевна стала незаменимым секретарем (хотя так и не овладела машинкой — все работы Ивана Александровича в течение десятков лет печатала Люсия Михайловна Хубларова, прекрасный человек, географ по профессии) — через нее шли все телефонные переговоры, она вела и регулировала календарь его дел, отправляла, получала, разбирала всю его переписку. Елена Сергеевна всегда была жизнерадостная, оптимистичная. Если на Ивана Александровича вдруг нападала хандра, она старалась его отвлечь и развлечь. Она хорошо знала его музыкальные вкусы и умела доставать билеты на его любимых пианистов, симфонические концерты, балеты.

Иван Александрович любил и ценил свою Аленушку. Когда во время эвакуации в Ашхабаде она заболела брюшным тифом и врачи сказали ему, что надежд на выздоровление нет, он буквально выкрал ее из больницы и не отходил от нее ни на шаг, пока не выходил. Он вспоминал, что именно тогда поседел.

Теперь, когда у него случился инсульт, выхаживала Ивана Александровича она, Елена Сергеевна. Она была и нянечкой, и медсестрой, и домашним врачом и тренером лечебной физкультуры. Все делалось в точно назначенное время, очень тщательно, терпеливо, с улыбкой.

Был и еще один фактор, который способствовал возвращению Ивана Александровича к активной жизни: это были мы, его ученики. Тесная живая связь нашего учителя с кафедрой, с факультетом, с событиями в стране и во всем мире обеспечивалась нами непрерывно. Мы не давали ему "полного покоя" — для него это был бы конец жизни. Наоборот, мы деликатно, но настойчиво убеждали Ивана Александровича, что он может и должен сделать еще многое, по крайней мере то, что уже обещал. И мы неустанно предлагали и ему и Елене Сергеевне нашу помощь, услуги.

И постепенно Иван Александрович начал снова работать — под строгим наблюдением своего профессора" — Елены Сергеевны. Обычно приходил кто-то из нас, нужный в это время Ивану Александровичу, а иногда Елена Сергеевна собирала сразу нескольких. Она традиционно подавала чай ("вам один кусочек сахара положить или два?"),

сообщались и обсуждались новости, затем начиналась очередная работа — чего не хватает, что нужно найти и обновить, что убрать и заменить. Елена Сергеевна незаметно сидела где-то рядом, всегда наготове, и Иван Александрович время от времени обращался к ней за помощью. И было просто удивительно, как она с полуслова понимала его желания и как быстро стала ориентироваться в его большой научной библиотеке. По ходу разговора Иван Александрович протягивал вдруг руку по направлению одного из книжных шкафов: “Аленушка!” и Елена Сергеевна почти всегда безошибочно снимала с полки нужную в эту минуту книгу.

Раньше всего он взялся за рукопись “Франции”. Это было нечто гораздо большее, чем очередной труд. Это была давняя мечта. В первый раз он подписал в 1952 г. договор с Географгизом об ее издании, затем продлил его в 1954 г. перед уходом в отпуск. Но фактически он работал над “Францией” все послевоенные годы. Еще в 1946 г. И.А.Витвер опубликовал очерк о Париже как главу будущей книги. Теперь он принял предложение А.Е.Слуки помочь ему в работе над четырьмя большими папками его готовых частей и заготовок для книги. Тот начал специализироваться по Франции под руководством И.А.Витвера еще будучи студентом, затем защитил диссертацию по этой стране, а в 1956 г., когда учитель с помощью ученика вернулся к своей рукописи, издал пособие по экономической географии Франции в Издательстве МГУ. После просмотра того, что обновил, вставил и дополнил Слука в первой папке, Иван Александрович твердо сказал: “Соавтор”. И уже не отступил от этого. Думается, что для тогда еще молодого Слуки это была большая честь, и он очень старался. Но в книге сохранилось немало нетронутых или почти нетронутых чисто витверовских разделов. Они узнаются безошибочно по стилю. Никто другой на целом свете не мог бы так написать географическое положение Франции, “отработать” социально-экономическую роль природных условий, формирование французской нации. Мало что было изменено и в блестяще написанном самим Витвером порайонном обзоре.

Выход в свет книги в 1958 г. очень порадовал и вдохновил Ивана Александровича на дальнейшую работу. Он засел за второе издание “Историко-географического введения”. К этой работе он тоже готовился в течение ряда лет, но никак не мог выкроить нужного “чистого времени, чтобы реализовать все свои заметки и вопросы на полях первого издания. Теперь, увы, свободного времени было довольно много, а мы, шесть его учеников, искали, находили, подбирали ему некоторые материалы для запланированных им исправлений и дополнений. Глаза Ивана Александровича светились каким-то особым огнем, когда он с

нетерпением, с жадным интересом придвигал к себе принесенную кем-нибудь из нас очередную страницу материала. Зрение, кстати, у него было удивительное — и потому, что он до конца дней не пользовался очками, и оттого, что сразу видел гораздо больше, чем любой из нас. Нельзя забыть, как взял он в руки составленную с большим трудом из разных источников таблицу ”исторического соревнования” роста поголовья овец в Аргентине, Австралии и Новой Зеландии на ряд одинаковых дат. Источники, как он любил, тщательно указаны. Но в глазах тотчас промелькнула настороженность и разочарование. Карандаш в руке, небольшой подсчет, и: “Голубчик, эти цифры неправдоподобны, в них можно поверить лишь при условиях, что в течение всего этого периода совсем не было убоя и падежа, что все стадо состояло только из овцематок и каждая из них ежегодно приносила по три ягненка. Подвел разноречивых источников. Если вас не затруднит, взгляните, пожалуйста еще, когда будете в “Ленинке”. Он, конечно, оказался прав. Когда была найдена более достоверная историческая статистика, все встало на свои места.

Все эти годы болезни Ивана Александровича очень беспокоили дела кафедры. Внезапный выход из строя нарушил его уже почти готовые к осуществлению планы раздела кафедры на две — социалистических, а также капиталистических и развивающихся стран. О них он писал в своей последней статье к 200-летию университета. Коллектив кафедры поначалу не хотел слышать о новом заведующем — Иван Александрович должен был знать, что все ждут его выздоровления. Был согласен с этим и деканат. Делами кафедры временно согласился руководить И.М.Маергойз, постоянно советовавшийся со своим больным старшим другом. Но по мере того как к Ивану Александровичу возвращалась работоспособность, он все более настойчиво требовал официально освободить его от не дававшей ему покоя ответственности за кафедру. В 1957 г., после 23 лет заведования кафедрой, он был с благодарностью ректора МГУ академика И.Г.Петровского переведен на должность профессора-консультанта. В неизменном сопровождении Елены Сергеевны И.А.Витвер регулярно приезжал на ученые советы и активно участвовал в их работе, бывал на заседаниях кафедры, находился в курсе дел, кратко, но весомо высказывал свое мнение.

В 1958 г. состоялось официальное решение о разделе кафедр, а в следующем году был проведен конкурс на замещение должностей их заведующих. Иван Александрович не стоял в стороне от всего этого — ему была далеко не безразлична судьба того, что он создал и во что вложил так мною сил. Именно по его настоянию и по приглашению кафедрян автор этих строк рискнул принять эстафету из рук своего учителя: с 1 сентября 1959 г. В.В.Вольский был зачислен заведующим кафедрой экономической и политической

географии капиталистических и развивающихся стран. Руководителем второй кафедры стал И.Х.Овдиенко, в свое время приглашенный на кафедру Иваном Александровичем. Естественно, связи И.А.Витвера с кафедрами продолжались после этого на еще более устойчивой и широкой основе, что приносило ему большое удовлетворение.

Свое 70-летие Иван Александрович встретил в довольно хорошей форме. И хотя он очень волновался, отлично прошли и торжественное заседание ученого совета геофака, и общее собрание отделения экономической географии Московского филиала Всесоюзного Географического общества. Все было искренне, душевно и прекрасно. Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил ему почетное звание заслуженного деятеля науки. А вечером 25 февраля гораздо более широкий круг друзей, чем обычно по этим дням, собрался в их маленькой квартирке на Ломоносовском, 14. Одолженный у соседей и взятый с кухни столики, приставленные к большому обеденному столу, выходили в коридор и почти упирались в старинный комод, на котором стоял телефон. Иван Александрович никогда не употреблял крепких напитков, но знал цену сухим винам, а молодые полусухие кавказские вина даже любил и иногда чуть отхлебывал из рюмки (ему много лет подавалась одна и та же — зеленая на прозрачной ножке) даже без тоста. Елена Сергеевна охотно и щедро поддерживала компанию, была весела и очень рада празднику. Стихи главного геофаковского поэта Ю.К.Ефремова на этот раз были более торжественны, чем обычно, но очень искренни. В.П.Максаковский со своими стихами прозвучал не столь “олимпийски”, но человечно и хорошо. Я.Г.Машбиц, как всегда, выступил с очень остроумным экспромтом. Теплыми, эмоциональными, сильными были слова И.М.Маергойза. Каждый из присутствующих старался вложить душу в этот праздник. Вечер получился на славу, и, думается, он дал Ивану Александровичу немалый заряд душевных сил и оптимизма.

В июне того же года И.А.Витвер получил персональную пенсию союзного значения. Он спокойно воспринял формальный выход из числа сотрудников факультета тем более, что пенсия оказалась чуть большей, чем ставка профессора-консультанта.

На 80-летний юбилей Н.Н.Баранского, который отмечался в июле в переполненном актовом зале университета на Ленинских горах, Витверы не пошли: процедура обещала быть долгой, и Елена Сергеевна опасалась, что Ивану Александровичу будет трудно выдержать длительное напряжение и эмоции. Утром в день рождения Николаю Николаевичу была отправлена корзина цветов и сердечное дружеское послание. А вечером Иван Александрович и Елена Сергеевна с большим интересом и оживлением слушали подробный отчет о чествовании патриарха географии, о шутках и чудачествах юбиляра.

Иван Александрович очень гордился и радовался, когда вскоре после юбилея вышел указ о присвоении Н.Н.Баранскому звания Героя Социалистического Труда.

В эти годы бывали иногда и не предусмотренные календарем настоящие праздники, причем не только для Витверов, но и для нас, искренне радовавшихся каждому новому взятому барьеру, новому преодолению, еще одному успеху. Таким, например, был день 26 апреля 1963 г., когда Иван Александрович получил авторские экземпляры второго издания «Историко-географического введения в экономическую географию зарубежного мира». Приглашение Елены Сергеевны «на чашку чая» стихийно переросло в небольшое застолье: каждый из нас пришел с цветами, вином, тортом, какой-нибудь снедью. Мы вертели в руках, листали новую красивую голубую книгу — значительно расширенную, улучшенную, проверенную. Каждый получил свой экземпляр с надписью автора. И строили вместе новые планы.

Главный план состоял в том, чтобы еще раз, на новой основе, издать учебник И.А. Витвера. Он давно чувствовал себя должником перед высшей школой, с тех пор как не смог написать еще один учебник. Его же школьный учебник для новой куцей программы стал слишком сложен и велик. Так возникла идея расширить и переработать его в качестве пособия для учителей географии и студентов вузов, пока не будет написан для них специальный учебник. Издательство «Просвещение», преемник Учпедгиза, охотно взялось издать новую книгу И.А. Витвера. Ивана Александровича очень увлекла эта работа. И он сам, и мы, человек пятнадцать его учеников и друзей, внимательно перечитывали последнее издание учебника по «своим» странам и разделам и вносили предложения об исправлениях и дополнениях. Принималось, конечно, не все — решал он сам, в соответствии со своим замыслом, видением и стилем. А если принималось — мы старались подобрать ему необходимый материал, над которым он работал, неохотно подчиняясь неукоснительному режиму Елены Сергеевны.

Здоровье, между тем, заметно убывало. Теперь Иван Александрович спал только со снотворным. И несмотря на это, Елена Сергеевна нередко встречала в крохотной передней тихими словами, указывая на стеклянную дверь кабинета: «Мы сегодня плохо спали... настроение неважное...»

Наши визиты, совместная работа оживляли его, давали ему новый заряд энергии. Он придвигал к себе «дежурную» тетрадь с записями, делился своими мыслями, жадно выслушивал комментарии к тому, что делается на свете. Он ежедневно в определенные часы включал старенькую радиолу, которую не хотел менять ни на какую другую, и слушал

последние известия или хорошую музыку, выбранную заранее по радиопрограммам. Телевизора у них не было и в кино они не ходили: из-за болезни Меньера мелькание на экране вызывало неприятные ощущения. Потом мы принимались за работу, пили традиционный чай (его Елена Сергеевна готовила виртуозно) с традиционным швейцарским сыром. Жизнь не просто продолжалась, но и была наполнена важным и интересным делом.

Это просто удивительно, но в день смерти Н.Н.Баранского — 29 ноября 1963 г. — Иван Александрович не находил себе места. Испуганная Елена Сергеевна решила скрыть от него эту тяжелую новость и с автомата обзванивала всех, кто мог стать источником опасной, по ее мнению, информации. Но все-таки не уследила, и через три месяца Иван Александрович прочел некролог в журнале. Спокойно сказал: “Я знал это, от него давно нет вестей, а ты молчишь”. Спросил, где похоронен. “На Новодевичьем”. Сказал задумчиво: “Хорошо бы рядом”. И больше никогда не возвращался к этому.

Работа над коренной переработкой учебника продолжалась два с половиной года, в том числе и летом. Все эти годы Витверы выезжали каждое лето на дачу, которую постоянно снимали в Абрамцево, в поселке Академии наук у вдовы одного академика. Ивану Александровичу очень нравились те места: вокруг чудесные, живописные леса, грибы можно собирать прямо на участке, чудом сохранившаяся усадебка Аксаковых — Мамонтова до сладкой щемящей боли чем-то напоминала сельцо Ильино, домашние спектакли в нем. Нехитрая, но приятная экспозиция музея, работы Серова, Васнецова, Врубеля, Нестерова всякий раз заново доставляли Ивану Александровичу эстетическое удовольствие. Мы регулярно наведывались в Абрамцево — и по одному и небольшими группами. К осени 1965 г. работа в основном была завершена. Книга сильно изменилась и выросла почти наполовину — с 24 до 35 листов. Возвратившись с дачи в Москву, Иван Александрович сдал рукопись в производство. Всю работу по связям с издательством взял на себя В.П.Максаковский.

А у Ивана Александровича была уже следующая задумка — он хотел переработать и выпустить новое издание “Франции”. На этот раз к работе, кроме А.Е. Слуки, был привлечен Г.П.Черников. Зимой они не раз собирались вместе, обсуждая план переработки. Весною подписали договор с издательством “Мысль”. На лето Витверы снова переехали в Абрамцево, и мы опять ездили к ним в гости. Все шло своим размеренным привычным путем.

Но дни Ивана Александровича были сочтены. В середине августа произошло новое тяжелое кровоизлияние в мозг. Не приходя в сознание 15 августа 1966 г. он скончался. Похоронили его на Новодевичьем кладбище, на старой территории, недалеко от церкви и от могилы Баранского.

А в науке, в своих учениках он продолжал еще жить напряженной и плодотворной жизнью. В 1967 г. вышел из печати и начал свою самостоятельную и долгую жизнь еще один “Витвер” — том “Экономической географии зарубежных стран”. В 1969 г. появилось второе издание “Франции” И.А. Витвера, А.Е.Слуки и Г.П.Черникова. В 1971 г. Витверовские кафедры и географический факультет широко отметили 80-летие Ивана Александровича. Был издан посвященный ему сборник в 25 печатных листов.

И мы по-прежнему каждый год отмечаем его день рождения в его кабинете-столовой. Только комната теперь стала чуть просторнее — книжные шкафы его библиотеки перебрались на его кафедру. И по-прежнему нас принимала и поила чаем Елена Сергеевна. Только теперь она была чуть “потухшая”, рассеянная, не такая веселая и жизнерадостная, как в былые времена. Но в такие дни она была счастлива, что Ивана Александровича помнят и любят его ученики, друзья, коллеги.

Елена Сергеевна пережила Ивана Александровича более чем на 20 лет, и тихо угасла 20 мая 1987 г. Урна с ее прахом захоронена в могилу Ивана Александровича. Они опять вместе.

ШКОЛА ВИТВЕРА

Так уж устроен этот мир. Люди, как и все живое на нашей планете, приходят и уходят, одно поколение сменяется другим. Человеку на протяжении его жизни приходится хоронить немало и близких и довольно далеких ему людей, пока не похоронят его самого. И не раз невольно задумывается он над смыслом жизни, над оценкой ушедших. О разных критериях приходилось слышать в таких случаях — и характер, и улыбка, и отношение к жене (или мужу), и положение, которого удалось добиться, и чин и даже пышность или бедность самих похорон. Но все-таки, в конечном счете, хотя иногда и слишком поздно, в оценке человека всегда побеждает главное: что сделал он для людей? насколько результаты его жизни переживут его самого?

Снова и снова “прокручиваю” мысленно всю жизнь Ивана Александровича Витвера. Сколько же кадров из этой большой и яркой ленты можно настричь, когда он жил для себя, для своего удовольствия? — Когда ездил в горы? Но ведь это была только “подзарядка аккумуляторов”, энергию которых он тратил на службе людям! И разве не приглашал он с

собой в горы своих учеников, чтобы и там, в столь ценной неофициальной обстановке, отдать им еще кусочек своей души?

Больше всего сил отдал Иван Александрович людям, служа им как Учитель, Учитель с большой буквы. Люди помнят своих учителей и гордятся своей школой всю свою жизнь. Слово "учитель" произносится с особым уважением везде — от "муалима" у мусульман до "маэстро" в Латинской Америке, даже если речь идет о самой скромной сельской школе. "Школа Витвера" была поистине огромной и многоэтажной она начиналась с десятков миллионов советских девятиклассников и людей всех возрастов в других странах, изучавших мир по его учебнику, проходила через тысячи студентов, слушавших его лекции, и кончалась десятками ближайших учеников, которым он стремился передать не только свои знания, но и все богатства своего жизненного опыта. И, что главное, эта школа не исчезла вместе с Учителем. Она, пожалуй, даже расширилась, и не только потому, что в ней стали преподавать его ученики и ученики его учеников, которые до сих пор вспоминают теперь уже легендарного Витвера.

Ведь очень важно еще и то, что он был особым учителем: он нес людям не чужие премудрости, овладеть которыми тоже не так просто, а то, что открыл и создал сам. Он потому и стал Учителем с большой буквы, что был крупным талантливым ученым, разносторонне развитым высококультурным человеком.

Вклад И.А.Витвера в науку отличается необычной широтой и глубиной одновременно. Став в начале своего научного пути энциклопедистом по профессии, он оставался им всю жизнь по духу, по призванию. Достаточно бросить взгляд на его научное наследие, чтобы убедиться в этом. **8**

8 Список трудов И.А.Витвера опубликован в 11-м выпуске "Вопросов экономической и политической географии зарубежных стран", М., ИЛА-МГУ, 1991.

В экономической географии он, вместе с Н.Н.Баранским, был основателем теперь общепризнанной у нас "районной школы", встал на пути оголенно-схематического социологизирования и гипертрофированной политизации этой науки, в нелегкой борьбе отстоял ее географизм, и, Вместе с тем, заложил основы превращения этой области знаний из искусства "землеописания" в аналитическую, конструктивную и точную науку.

Обладая высокой эрудицией и по образованию и в силу постоянного самосовершенствования, И.А.Витвер много работал на стыках наук. Он сумел соединить в один ценный сплав свои знания в области географии и истории и потому стал создателем советских пионерных трудов по исторической географии, трудов, которые, вне всякого

сомнения, вошли в золотой фонд этой науки. В наши дни, готовясь широко отметить 500-летие “открытия Америки” и начала Великих географических открытий, мы не можем обойтись без консультаций с Витвером, с его “Историко-географическим введением...”, с двухтомником о Южной Америке и Карибских странах, где великолепно выписаны нестареющие историко-географические главы. Через применение исторического метода в социальной географии и анализ роли политических факторов в ней внес он неоценимый вклад в создание основ советской политической географии. Он создал первую и пока единственную в нашей стране кафедру, в названии которой фигурирует эта наука.

И.А.Витвер был бесспорным родоначальником советского страноведения — сложной области знаний, требующей высокой степени владения результатами исследований не только всей системы географических наук, но и ряда других наук, без участия которых невозможна характеристика страны, народа, цивилизации. Именно он (и снова — в содружестве с Баранским!) разработал и внедрил в наше страноведение оптимальную структуру характеристики страны, которая гарантировала выявление общего, однотипного для ряда стран и, в то же время, не позволяла упустить из виду ничего национально-особенного, специфического, свойственного только данной стране. Он блестяще реализовал эти страноведческие принципы и на скупых страницах своего учебника и более чем в десятке своих отдельных страноведческих работ. Они, эти работы, сыграли непреходящую роль в зарождении и развитии некоторых конкретных направлений страноведения, которые начинались с книг Витвера, а теперь дают пищу значительным научным коллективам и даже целым институтам.

Говоря об этих направлениях, хочется прежде всего еще раз подчеркнуть, что И.А.Витвер был одним из основателей советской латиноамериканистики, и Институт Латинской Америки хорошо помнит и чтит одного из своих “прародителей”.

В наши дни, когда быстро набирает очки идея “общеевропейского дома”, когда один за другим возникают и крепнут в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе, центры европеистики, нельзя не вспомнить, что И.А.Витвер внес бесценный вклад в советское англоведение, дал в то трудное время резких шараханий в советско-германских отношениях лучшие, наиболее точные и объективные образцы работ в области германистики, был признанным главой советского францужеведения.

Большой вклад в науку принадлежит И.А.Витверу и в области экономической картографии. Он был непререкаемым авторитетом в этом деле, создал и ряд теоретических трудов, не потерявших своей ценности, и блестящие образцы их воплощения в самых

различных жанрах — от маленьких черно-белых иллюстративных карт к учебнику до сложных многоцветных атласов мирового уровня.

Даже этот краткий, и потому неполный, перечень наглядно показывает, что этот человек много знал и многому мог научить. Но мало этого — он знал и как надо учить. Он прекрасно владел методикой географии и педагогикой. И это отчетливо видно и из его классического учебника и из целого ряда специальных работ, которые сопровождали создание, развитие и применение его учебников, лекций, пособий.

Спору нет, немало времени прошло с тех пор, неузнаваемо изменился мир, который надо анализировать, другими стали и мы. На смену стальным “рондо” и “семечкам” с чернильницами — у ученых, рейсфедерам “козья ножка” и бесконечному набору лекал и шрифтов — у картографов пришли компьютеры и многоцветные сканеры. К услугам географов — банки данных и микропроцессорный анализ, обилие иностранной литературы и периодики, “железный занавес” не отгораживает их больше от тех стран, которые они изучают. После Витвера сказано уже не одно новое слово в географии. Появились новые учебники, написанные его учениками, и уже успели устареть, сейчас создаются еще более новые.

А Витвер — не устарел! Напротив, еще рельефнее стала его роль в развитии науки. Кому не ясно, что без Евклида и Пифагора не было бы современной информатики и космогонии? Витвер — одно из “золотых звеньев” в непрерывной цепи истории науки.

И, наконец, главное: шестнадцать изданий “стабильного” учебника, да и все его творчество по изучению меняющегося мира научили Ивана Александровича не столько гнаться за конъюнктурой, за быстро устаревающей конкретикой, сколько искать и утверждать подходы, принципы науки в области экономической географии зарубежных стран. Эти принципы сохранили свою ценность и привлекательность, несмотря ни на какие моды и “превращения метода”, именно они, их существование, распространение и действие, составляют и сегодня сущность “школы Витвера”.

Среди основных принципов, которые утверждал И.А.Витвер всем своим творчеством и самой жизнью, следует назвать:

- Высокий научный уровень, серьезность любой работы, большой или маленькой, гарантированная достоверность сообщаемой информации, скрупулезная точность цифр, подсчетов, таблиц, опора на анализ реальных явлений и процессов, строгая логика выводов, нетерпимость к Голословным, бездоказательным утверждениям, домыслам и спекуляциям.

- Стремление к всесторонности рассмотрения явлений и процессов, в диалектическом единстве противоположностей, в борьбе противоречий. Непременность, настойчивость витверовского диалектизма порой просто поражает. В своей “Франции”, например, Витвер, влюбленный в эту страну, отнюдь не попал автоматически под влияние абсолютно господствовавших там со времен Реклю и Видаля де ла Блаша концепций “счастливой гармоничности” и “уравновешенности” ее географического положения: “Нетрудно заметить, что в эпоху капитализма и особенно в период империализма политико-географическое и экономико-географическое положение Франции особенно чревато противоречиями и опасностями. Достаточно вспомнить удары, которые Франция получила первоначально от своего северо-западного соседа — Великобритании, а затем ее восточного соседа — Германии. Четыре раза на протяжении XIX—XX столетий войны велись на территории Франции, Париж чаще столиц других крупных государств подвергался захвату чужеземными армиями. Все это плохо согласуется со счастливой гармонией ”положения Франции...”.

- Последовательный научный историзм подходов к экономико-географическим исследованиям, обязательное рассмотрение динамики, сдвигов, тенденций, неприятие статики, “мгновенных фотографий”, “стопкадров” в подвижной, постоянно меняющейся картине мира. И это касалось не только историко-географических, но и практически всех работ Витвера, которые, как правило, облагораживались органическим сплавом, возникавшим от применения исторических методов в географии. Главная посылка состояла в том, что если происходят исторические сдвиги в обществе, в производственных отношениях — надо искать существенные изменения и в общественной географии, и наоборот: если выявлены крупные изменения в экономической географии — надо искать объяснения им в исторически важных сдвигах в обществе.

Вместе с тем, Иван Александрович решительно выступал против вульгарного псевдоисторизма, или, как он говорил, “антиисторизма”, против вводящего в заблуждение “соседства” истории и географии, а не их взаимопроникновения и слияния. Нельзя забыть его возмущенные замечания на полях книжки, автор которой утверждал, что границы современных экономических районов сложились в глубокой древности, о чем якобы свидетельствует, например, близость конфигурации Рязанского Княжества с Рязанским совнархозом. Очень старался он не путать и подлинных исторических влияний с конъюнктурными политическими “указаниями”, и очень тяжело переживал необходимость их “учета”.

- Подлинный яркий географизм, огромная любовь к географии, большой вкус к ней, убежденная, умная, аргументированная пропаганда географии и как самостоятельной науки и как метода, применимого, подобно математике, во многих других науках. В те трудные времена, когда географы-зарубежники не смели и мечтать о полевых исследованиях, географизм Витвера был особо привязан к карте. Она стимулировала пространственное воображение, позволяла видеть закономерности, делать обобщения и различать детали, даже “путешествовать” и уходить в иллюзию личного присутствия”. Карта для Витвера была и инструментом и искомым результатом любого серьезного экономико-географического исследования.

- Умение подняться до самой высокой степени обобщения, довести генерализацию до уровня типологии, которая всегда была, есть и будет признаком подлинной науки. Витвер очень любил опору на факты, цифры, но всегда знал им меру, никогда не “тонул” в них, а, напротив, умел выбирать их и выстраивать в такой логический ряд, что они неизбежно и убедительно вели к крупномасштабным обобщениям, важным выводам. Он оставил нам блестящие образцы панорамных полотен мира — и исторического и современного ему. И это не только образцы жанра. Панорамы мира на разных этапах его истории, лаконично, но ярко выписанные в “Историко-географическом введении”, несомненно вошли в науку навсегда, другие же, — как та, что дана в одной из самых глубоких методологических статей Ивана Александровича “О показателях для экономикогеографической характеристики капиталистических стран” — были настоящим откровением для того времени, но и теперь еще не сданы в историю, а служат незаменимым ориентиром, базой отсчета и сравнений Для нашего, сильно изменившегося мира.

- Высочайшее, до необъяснимости, мастерство микропейзажа. Когда читаешь его портреты Пампы, Юкатана или Парижа, просто становишься в тупик: да верно ли, что он там не бывал? Как можно было подсмотреть, подметить такие детали из московского далека? В наше время моды на всяческую “потусторонность” кому-то могут прийти в голову заманчивые гипотезы: уж не был ли Витвер одним из представителей “параллельной цивилизации”? Или просто ясновидцем? Разве не подозрительна его привычка слегка прикрывать глаза, когда он рассказывал о деталях? Как бы то ни было, но совершенно очевидно одно: он всегда стремился проникнуть в неповторимые черты микропейзажа, в какие-то важные детали, так как для него это было неотделимо от возможностей создания любой панорамы. Для Витвера, как и для Рубо, общая, широкая — до самого горизонта! — картина становилась впечатляющей и убедительной, если она сходила с полотна и

превращалась в осязаемую трехмерную реальность переднего плана, близкую, понятную и интересную для наблюдателя.

- Особый, “витверовский” стиль, манера письма, по которой можно узнать и руку мастера и принадлежность ким порожденной школе. Характерными чертами этого стиля всегда были четкость и лаконичность (ни одного лишнего, ненужного слова!), продуманность и точность определений и характеристик, меткость образов и сравнений, высокая культура, ясность и доступность языка. Витверовский стиль был спокойный, уравновешенный, ему был чужд какой бы то ни было экстремизм, преувеличения или преуменьшения “ради красного словца” (если автор писал: “Колумбия обладает богатейшими природными ресурсами”, то на поле появлялось замечание: “неточно и бессодержательно). Не терпел Витвер никакой нарочитой цветистости, пустопорожнего словоблудия “на тему”, а пуще всего — околонуучного “выпендривания” с помощью затуманивающих суть иностранных терминов, без которых можно было прекрасно обойтись. Все это он часто обобщал одним словом — “болтовня! “ Но не любил он и длинных, нудных перечней, пересыпанных обилием Цифр: “сухистика, голубчик!”

- Наконец, одним из важнейших и постоянных принципов И.А.Витвера и в его научном творчестве, во всей жизни была высокая этичность. Конечно, в очень большой степени это было чертой характера, заложенной еще в генах и воспитанной с детства, но в немалой мере — и результат постоянного самоконтроля, преодоления естественных реакций. Не раз доводилось видеть Ивана Александровича глубоко взволнованным. Но эмоции почти никогда не выплескивались наружу. Он лишь бледнел от возмущения и розовел, когда смущался, речь же после короткой паузы становилась еще более взвешенной и спокойной. И в повседневном общении с коллегами, аспирантами, студентами, и в научных дискуссиях и в своих трудах и многочисленнейших официальных и неофициальных рецензиях он был предельно корректен, вежлив, внимателен. Но его мягкий упрек — “Как же это вы, голубчик?” — был гораздо действеннее, чем любой “разнос”. Однако мягкость форм общения не мешала ему проводить последовательно твердую линию своих научных взглядов, отстаивать ее даже пред такими авторитетами, каким был для Витвера Баранский.

Этот перечень основных принципов творчества И.А.Витвера, наверно, не полон. Но, как уже упоминалось перед его началом, сюда вошли только те принципы, которые сохранили свою привлекательность и сегодня, прочно вошли в традиции “Школы Витвера”, составляют и сегодня ее бесспорный кодекс чести.

Но надо прямо сказать, что были и некоторые другие принципы, причем такие, которыми сам Иван Александрович гордился и ставил превыше других, однако тотальная ревизия политических и идеологических основ нашего общества, порожденная “переходным временем” перестройки, выбила их из обращения. Для И.А.Витвера высокий научный уровень его работ и лекций начинался с того, что он искренне стремился глубоко проникнуть в теорию марксизма-ленинизма и поставить ее на службу общественной географии. Он был одним из первых в нашей науке, кто раскрыл географическую сущность “Капитала” Маркса, многих работ Энгельса, таких работ Ленина, как “Развитие капитализма в России”, “Новые данные о законах развития капитализма в сельском хозяйстве (США)”, “Империализм, как Высшая стадия капитализма”. Нельзя, конечно, не признать, что капитализм с тех пор сильно изменился, а марксизм не успел еще создать фундаментальных убедительных трудов об этом.

Несколько по-другому относился Иван Александрович к текущей политике единственной тогда партии: он почти физически страдал от необходимости “колебаться вместе с генеральной линией”, и, тем не менее, он верил в нее (поскольку был далек от реальной политики) и считал своим долгом учитывать ее, даже служить ей, по крайней мере — в течение двадцатилетней истории своего учебника. Он, конечно, о многом знал, не однажды в меру своей честности и искренности выступал с протестами. Но он считал, что эксцессы и злоупотребления в нашей политике — от недобросовестных исполнителей, от дорывающихся до власти шариковых (кстати, в своей молодости он был лично знаком с Булгаковым).

Сегодня, когда все настойчивее возводятся в принципы нигилизм и прагматизм, еще раз хочется подчеркнуть, что Иван Александрович Витвер был человеком, чье врожденное чувство справедливого, прямоты, искренности никогда не позволяло ему иметь что-то общее с приспособленчеством, лицемерием, карьеризмом. Свой идеализм, может быть, в чем-то и наивный, свою веру в желанность и возможность переустройства мира для грядущего счастья народов он превращал в неустанный, часто непосильный труд. Крупный ученый с тонко настроенной музыкальной душой, он весь своей интеллект, в котором, как в хорошей симфонии, было все, — от ювелирной лирической мелодии до мощных напряженных аккордов финала, — без остатка отдал людям. Феномен Витвера навсегда вошел в историю отечественной науки.